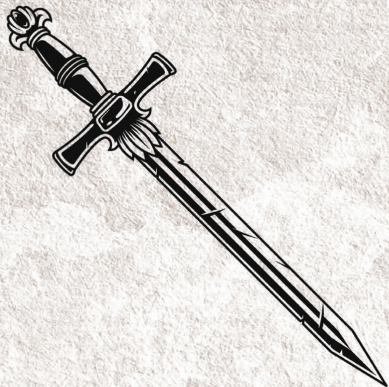

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

АЛЕКСЕЙ ЛЮТЫЙ

РАБИН ГУТ

И БУДДА — НЕ БЕДА!

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Алексей Лютый
И Будда – не беда!
Серия «Рабин Гут», книга 7

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127661
Лютый А. Рабин Гут. И Будда – не беда!: Эксмо;*

Аннотация

Неразлучная ментовская тройца – кинолог Рабинович, омоновец Жомов и криминалист Попов – оказывается заброшенной в древнюю Индию. Но после Камелота и Эльдорадо им теперь море по колено, можно пообщаться и с Буддой и с Кришной. Как всегда, наши герои окажутся на высоте и проявят себя с разных сторон. Разумеется – с лучших сторон!

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	33
Глава 3	66
Глава 4	99
Глава 5	132
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Алексей ЛЮТЫЙ И БУДДА – НЕ БЕДА!

Часть I

Священной корове и седло к лицу!

Глава 1

*Кто сказал, не свисти – денег не будет?!
Соловей-разбойник*

День милиции – это святое! В такой большой праздник все торопятся сделать виновникам торжества подарки. Водители напиваются и сами тормозят возле гаишников, не заставляя тех размахивать жезлами. Уличные торговцы ставят лотки в неположенных местах и тут же звонят в милицию с требованиями, чтобы их немедленно наказали. Карманные воришки вытаскивают кошельки прямо на глазах у постовых и вытягивают руки вперед с предложением застегнуть на них наручники. Старушки флягами прут в участки свежесогнанную самогонку и тут же добровольно платят штрафы за нелегализованное изготовление ядовитого зелья, а прочие правонарушители просто являются с повинной, резко повышая

процент раскрываемости преступлений! Что, не верите, что так бывает? Вот и я такого не видел, но мечтать-то никто не запрещал!...

Вот только не нужно говорить, что вы меня не узнали! Не может быть такого, чтобы никто и никогда не читал того, о чем я раньше рассказывал... Ах, узнали? Ну и слава Полкану, как любил говорить мой дедушка. Я, правда, его ни разу не видел, но значения это не имеет. У нас, у псов, знаете ли, не принято поддерживать родственные связи, хотя родословная у меня отличная. Не всякий дворянин такой похвастаться может. А я ею не кичусь. Вон с соседями по вольеру, Рексом и Альбатросом, спокойно общаюсь. Правда, только тогда, когда они над моим именем потешаться не пытаются.

Ладно уж, для тех, кто впервые решил послушать мои басни, коротко представлюсь: я – Мурзик, шестилетний кобель немецкой овчарки, состоящий на службе в милиции. Хозяин мой – Сеня Рабинович. Семен Абрамович, если говорить официально. Правда, по имени-отчеству его редко кто называет. Только соседка по лестничной клетке, Марина Ивановна, разведенная и раздобревшая тридцатипятилетняя женщина, моего Сеню по имени-отчеству зовет. Да и та, насколько я понимаю, делает это исключительно для того, чтобы показать, насколько она хорошо и уважительно к Рабиновичу относится.

Тут и коту понятно, что Марина Ивановна на Сеню глаз положила, но зря она надеется на взаимность. Во-первых,

толстые тетки совершенно не во вкусе моего хозяина. Во-вторых, он принципиально отвергает брак как форму отношений между людьми. Ну и, в-третьих, старовата для моего Сени соседка. Он все на молоденьких девушек посматривает. В общем, Марина Ивановна может сколько угодно Рабиновича Семеном Абрамовичем называть, пирожки ему со-вать, в гости зазывать под разными предлогами – начиная от замены лампочки и кончая собственными именинами, – толку от этого не будет. Впрочем, как я уже говорил раньше, мечтать еще никто и никому не запрещал.

То, что мой хозяин, еврей чистокровный, в милиции служит, удивления ни у кого вызывать не должно. Хотя и не принято у людей его национальности во всяких там милициях работать, исключения и среди евреев бывают. Просто никто Рабиновичу в детстве мечтать не запрещал, вот он и домечтался до того, что пошел в органы служить. Хотя, знаете ли, если действовать с умом, то и в милиции на свой кусок хлеба с маслом заработать можно. Да уж, чего-чего, а ума у моего Сени хватает. Я его даже почти равным среднестатистическому псу по разумности считаю, а у людей это большая редкость!

Впрочем, люди тоже имеют свои достоинства, которых нам, псам, не хватает. Конечности, например, хватательные! Знаете, как иногда о них мечтаешь, когда Рабинович телевизор из розетки выдергивает, а я футбол посмотреть хочу... Вот только не надо говорить, что учеными доказано, будто

псы вместо нормальной картинке на экране телевизора только мелькание кадров видят! Какой-нибудь тупой кобель, ка- лека или шутник им во время экспериментов попался, вот они и решили, что открытие сделали, а на самом деле ниче- гошеньки про нас, псов, не знают.

Ну да ладно! Пусть там ученые мудрят, у нас с вами раз- говор не про них. Можно было бы на всякие умные темы по- спорить, но это еще успеется, а я вам должен еще двух эпи- ческих героев представить – Ваню Жомова и Андрюшу По- пова, закадычных друзей моего хозяина. Оба, естественно, служат в милиции. И хотя они не кинологи, как Рабинович, общаться со мной умеют. На примитивном уровне, конечно!

Иван Жомов служит в ОМОНе, где ему и самое место! Конечно, на первый взгляд этот здоровый и широкоплечий парень почти двухметрового роста выглядит не слишком ум- ным, но это оттого, что вы его плохо знаете. На самом деле Иван – далеко не дурак и иногда просто чудеса сообразитель- ности проявляет. Любимых занятий, кроме службы, у Ивана практически нет, зато есть жена Ленка, теща с тестем, кото- рые в одной с ними квартире живут, и здоровый толстенный кот. Последний, впрочем, принадлежит не лично Жомову, а его теще, и чаще получает от Ивана пинки, чем лакомства, но по-другому быть и не может! Иначе я бы омовца ува- жать перестал.

Андрюша Попов совсем не похож на своих друзей. И ро- сту он небольшого, и брюшко имеет, и лысеть начал рано. Да

и сидит Андрей больше в кабинете, чем оперативной работой занимается. Что, впрочем, и немудрено, поскольку работает младший лейтенант Попов экспертом-криминалистом. Андрей свою лабораторию редко покидает, а вот мы у него бываем частенько. Как только намечаются какие-нибудь торжества, во время которых мы работать обязаны, так и собираемся у Попова в кабинете и эти торжества отмечаем. Сегодня как раз такой день. День работника милиции!

Для тех, кто впервые со мной общается – вот вас, мужчина, я раньше не видел! – стоит сказать, что все наши прошлые приключения как раз в такой день и начались. Посидев в поповской лаборатории, мои менты решили сходить в ближайший кабак, чтобы немного развлечься. Я как нюхом чувствовал, что из этого ничего хорошего не получится, и оказался прав. По дороге мы встретили Мерлина, короля Артура и Ланселота Озерного, в результате чего оказались заброшены в средневековую Англию.

Сами понимаете, там оставаться мы не собирались, и не только потому, что жилищные условия нас не устраивали. Мы все-таки патриоты, любим Родину и свою работу. И менять ее, кстати, не собираемся! К тому же наше пребывание в прошлом могло крайне отрицательно сказаться на судьбах всего мира. Почему – не спрашивайте! Я уже один раз рассказывал о том, как нам это эльф объяснил, и больше повторять не буду. Или ищите первую книгу с моим рассказом, или просто примите на веру то, что долгое пребывание

в прошлом может запросто перевернуть историю всей планеты. Да и не только ее.

В общем, из экскурсии по средневековой Англии мы постарались возвратиться поскорее. И если это у нас еще получилось, то попасть сразу назад не удалось. Не стану рассказывать вам все наши приключения, но поколесили по параллельным мирам мы изрядно. Где только не успели побывать: и в скандинавских мифах, и в Древней Греции, и еще во многих местах! Даже столицу эльфийского мира, перекресток многих вселенных, своими глазами видели и с Обероном лично общались. Ваня даже по темечку резиновой дубинкой ему стукнул. Не со зла, конечно, а в качестве эксперимента. Ну а последний раз нас в Мезоамерику занесло, где мы злодейский заговор разоблачали и помогали заключить под стражу не очень приятных субъектов, собиравшихся изменить все мироустройство. Развлеклись на славу и теперь вполне заслуженно отдыхаем.

Кстати, последнее наше путешествие завершилось пару месяцев назад и настолько разозлило моих ментов, что они даже думать о возможности новых прогулок по параллельным мирам отказывались. По крайней мере в данный момент. Да и какой нормальный милиционер захочет в другой мир отправиться, когда перед ним стол накрыт по всем правилам: с водкой и закуской?! Хотя, в принципе, есть и нормальные менты, которых водка не интересует. Я, например! Я вообще не пью, и желания такого не возникает, несмотря

на то, что Жомов неоднократно спьяну и меня напоить пытался. Может быть, сегодня снова попробует. Хотя нет! Сегодня у моих ментов водки маловато. Улов плохой, как говорится.

Кстати, забыл вам рассказать об одной общей привычке моих друзей. На День милиции все трое устраивают соревнования по вымогательству. Победитель награждается правом лично дозировать выпивку, а проигравший получает на полдозы этого самого алкоголя меньше, чем все остальные. Первым обычно бывает мой Сеня, поскольку равных ему людей, способных без единой копейки набить полную сумку, на свете просто не существует. Ну а проигрывает обычно Андрюша Попов, не обладающий таким даром убеждения, как мой хозяин, и такими аргументами, как жомовские кулаки.

Правила этих соревнований вымогателей были чрезвычайно просты. Нужно лишь наведаться к знакомому хозяину торговой точки и благосклонно принять от него подарки ко Дню милиции.

И открою вам тайну: тут у нас с Рабиновичем было небольшое преимущество. Во-первых, Сеня путешествовал за подавляющими не один. А во-вторых, в связи со спецификой нашей работы знакомых среди владельцев магазинов, ларьков и лотков у нас было куда больше. Все-таки Жомову чаще приходилось двери в квартирах вышибать, чем за порядком в рядах присматривать, а Попов и вовсе в лаборатории сиднем сидел.

Наверное, захоти этого Рабинович, он бы и больше, чем литр водки, пару банок консервов да блок сигарет, принести мог.

А вот Попову вряд ли покрыть личный рекорд в виде банки кильки и бутылки «Столичной» когда-нибудь удастся. И то у меня большие подозрения, что эти «деликатесы» Андрюша не в подарок получил, а в ближайшем магазине за свои наличные приобрел. Это правилами строжайше запрещено, а потому говорить о своих подозрениях друзьям я не стал. Жалко все-таки Попова. Он у нас и так жизнью обиженный – ни жены у него, ни собаки. Одни рыбки аквариумные, в которых он души не чает, хотя я и не пойму, отчего. Ни пообщаться с ними, ни приласкать их нельзя. Да они даже в пищу не годятся, а об остальном и говорить нечего!

Сели за стол мои менты, конечно, не сразу, после дежурства. Собственно говоря, дежурили сегодня только мы с Се-ней. Как я уже рассказывал, Андрюша Попов на дежурства вообще редко попадал, а Ване сегодня повезло – его жена, Ленка, приболела, и Кобелев, что с ним крайне редко случается, позволил Жомову взять отгул.

Так вот, с восьми вечера в Доме культуры нашего района было устроено торжественное празднование. Под страхом лишения премий и с приманкой в виде получения таковых все сотрудники отдела внутренних дел были обязаны на него явиться. Попов с Жомовым, естественно, дабы не гневить начальство, на праздник пошли и в течение трех часов бы-

ли вынуждены терпеть пытку речами Кобелева, заместителя мэра города и концертом мастеров местной самодеятельности. После чего мизерные премии были вручены, а доблестные милиционеры отпущены восвояси. Мы с Рабиновичем это мероприятие, слава богу, охраняли снаружи и, хотя остались без премии в этот день – Сене ее обещали выдать завтра, – ничуть не горевали. Ну а как только Попов с Жомовым вышли из здания, мой хозяин тут же потребовал продолжить праздник в более приличном и гостеприимном месте – поповской лаборатории.

К тому времени мы свою долю «добровольных пожертвований» уже получили, а вот Ване с криминалистом пришлось мчаться по торговым точкам и тонко намекать их владельцам на то, что не мешало бы стражей порядка и поздравить. Пока они носились как оглашенные, мы с Сеней дежурство сдали и поджидали друзей у дверей Андрюшиной камеры.

Попов с омовцем, видимо, сгорая от желания получить моральную компенсацию за муки, испытанные во время торжественного празднования Дня милиции, долго ждать себя не заставили. За те полчаса, которые мы с Рабиновичем проторчали перед закрытыми дверями лаборатории, мой хозяин, конечно, измучился и непрерывно стонал, проклиная на все лады неторопливость компаньонов, но по сравнению с прошлым годом, когда Сеня уже намеревался дверь камеры Попова взламывать, ситуацию можно было считать идеаль-

ной.

Первым появился наш криминалист. Как я уже говорил, скорее всего, после пары неудачных визитов за «подарками» Андрюша просто купил на свои кровные водку и закуску в ближайшем магазине. Сеня придирчиво осмотрел приношения, выискивая прилипший к донышку кассовый чек, и, не найдя его, презрительно хмыкнул. А Попов с трепетом стал ждать возвращения Жомова, надеясь, что хоть в этот раз ему повезет и последним он не будет... Не повезло! И Андрюша, горестно вздохнув, стал освобождать стол.

– Идиотизм это все-таки! – грустно заявил он. – Ну, скажите мне, на фиг нужно такой ерундой заниматься? Скинулись бы, как нормальные люди, и купили все, что нам требуется, а тут приходится ходить и попрошайничать.

– А вот в этом и состоит твоя проблема, – безапелляционно заявил мой хозяин. – Вместо того чтобы ходить и просить, ты должен благосклонно принимать то, что тебе дают.

– И потом, мы не нормальные люди, – поддержал Рабиновича Жомов и, увидев удивленные взгляды друзей, попробовал пояснить: – Мы же милиционеры, а милиционерам в свой праздник что-то покупать просто стремно, блин!

– Был бы ум, помер бы от дум. Нет ума, не возьмет и чу-ма, – философски оценил речь омовца мой хозяин. – А в принципе Ваня прав. Хоть раз в год надо погулять на халяву. Вдобавок так намного интереснее.

– Угу. Вам интересно, а мне опять страдать, – буркнул По-

пов. – В конце концов, я тоже в День милиции нормально выпить хочу.

– Вот и заслужи нормальную выпивку, – заявил Сеня, разливая по граненым стаканам водку. – А то все время хочешь без труда вытащить рыбку из пруда.

– Без труда?! – возмутился криминалист. – Да я в Мезоамерике не меньше вашего для спасения мира сделал. А может, даже и больше!

– Точно. Только нам тебя потом с жертвенного алтаря стаскивать пришлось, – согласился с ним Рабинович.

– Между прочим, я туда, спасая твою шкуру, попал! – обиделся Андрей.

– Я что-то не понял, разве Тлала с нами? – поинтересовался Ваня.

Двое спорщиков тут же повернулись к нему, а я вам, пока они на Жомова таращатся, поясню: Тлала – это богиня греха, порока и раздора у тольтеков. Точнее, зовут ее Тласолтеотл, но это имя моим ментам было слишком трудно выговаривать, и они его сократили. Как она в нашей компании оказалась и почему Жомов сейчас ее вспомнил, объяснять вам не стану. Просто возьмите и перечитайте предыдущую книгу. Скажу лишь то, что именно из-за нее так часто ссорились еще совсем недавно Попов и мой хозяин. Вот сейчас омоновец об этой богине и вспомнил.

– А Тлала тут при чем? – поинтересовался Рабинович.

– И вообще, хватит об этой ерунде говорить, – проявил

солидарность криминалист. — С меня уже всех этих путешествий достаточно.

— А я думал, ты Оборону спасибо сказать хочешь, — построил морду Иван, и мне показалось, что Попов сейчас его как минимум покусает.

Андрюша омовца, конечно, не покусал. Я вообще заметил, что людям свойственно кусаться только в детстве, а криминалист из детского возраста давно уже вышел. Кое-кто, конечно, с последним утверждением может поспорить, но я Попова знаю куда лучше, потому и могу сказать, что он повзрослел. Несмотря на его пристрастие к аквариумным рыбкам. Поэтому Ваня отделался не укусами, а лишь получением курса дальнейшего следования, направленного в известную сторону неизвестно чьей матери. Жомов в ответ расхохотался, а Андрей с несчастным выражением лица опустошил свой стакан и угрюмо стал смотреть, как Жомов с моим хозяином смакуют собственные дозы.

Вот уж не знаю, что такого приятного находят люди в водке, но, по моему собственному мнению, это премерзкая штука. И пахнет отвратительно, и голову дурит. И вообще, мне кажется, что если бы люди не пили, проблем бы у них было меньше. А то после выпивки иногда такое вытворяют, что потом остается только за голову хвататься. Мы вон, например, с моими друзьями после их пьянки в Англии оказались. А однажды Жомов после одной гулянки табельное оружие потерял. И хотя трое моих друзей выпивают довольно редко,

тот случай я навсегда запомнил.

Это было на дне рождения у Андрюши Попова. Народу тогда собралось не очень много. Поздравить криминалиста пришли мы с Сеней, причем мой хозяин с собой какую-то очередную девицу притащил, Ваня со своей женой Ленкой, да Андрюшина мама привела дочку своей подруги, явно желая заставить Попова на ней жениться. Худющая, высоченная девица в очках и с волосами, забранными в тугий узел, нашего эксперта явно не вдохновила. Однако девушка не хотела замечать того, что Андрей ее избегает, и упорно ходила за ним по пятам, рассказывая занимательные истории из жизни библиотекаря. Попову этот демарш здорово подпортил настроение, но то еще были цветочки!

Если у кого-нибудь есть жена, он знает, каково ходить с ней на всякие праздники. Остальным могу сообщить, что, согласно Ваниным рассказам, собираться на торжество следует начинать часа за три до его начала, без учета времени на дорогу. А в тот Андрюшин день рождения Жомов подобными ценными знаниями еще не обладал и из-за долгих сборов своей Ленки к началу торжества опоздал. Зато, явившись, мгновенно испортил и без того нехорошее настроение криминалиста. И все из-за того, что решил пошутить с чисто жомовским чувством юмора. То есть подарил Попову игрушечную свинью, на боку которой собственноручно написал: «Андрюха, не ешь так много!»

Криминалист намек понял и, естественно, обиделся. Пока

все вокруг веселились, Попов с каждой рюмкой становился все мрачнее и мрачнее. И так продолжалось до тех пор, пока Андрей не придумал ответную шутку. Я вам уже говорил, что Жомов с табельным оружием никогда не расстается?.. Так вот, Ваня сам признался, что даже ночью кладет пистолет под подушку. И на Андрюшин день рождения тоже пришел с оружием. Так вот, пьяный Попов дождался, пока не менее пьяный Жомов, не ожидающий никаких подвохов от друзей, не потеряет окончательно бдительность, и умыкнул у него из кобуры пистолет.

Не будь Ваня таким пьяным, пропажу он бы обнаружил сразу. А так Жомов хватился пистолета только утром, перед уходом на работу. Естественно, как он добрался домой, омоновец не помнил и принялся тормошить жену, требуя рассказа, как все произошло. Оказалось, что его Елена Прекрасная умудрилась посадить мужа в такси и затем притащить домой. Из чего Жомов заключил, что пистолет мог быть утерян только в машине. Вместо того чтобы отправиться на работу, омоновец поставил на уши весь таксопарк, но, так ничего и не добившись, помчался к Попову, чтобы выяснить, не оставил ли он пистолет в доме криминалиста.

Тут, казалось бы, и конец истории, но нет! Андрюша умудрился напрочь забыть о том, какую шутку он сыграл с омоновцем. И это не от злого умысла, а из-за действия алкоголя. И Попов, и его мама в один голос твердили, что пистолета не видели. Пришлось Жомову уйти несолоно хлебавши и

писать рапорт об утере табельного оружия.

Сами понимаете, что за такое происшествие по головке не гладят. Лишился бы Ваня лычек, может быть, вместе с любимой работой, но Попов, у которого в тот день был выходной, надумал кормить рыбок и в коробке с сушеными дафниями обнаружил Ванино табельное оружие. Тут же вспомнив все, криминалист ужаснулся и, схватив пистолет, помчался в участок. Хорошо, что успел приехать до того, как Ваня рапорт дописал. А то, боюсь, нам бы пришлось скидываться на чьи-то похороны. Ну а так все обошлось, и покаявшийся Попов отделался только парочкой тумачков. И то дружеских. Потому как после серьезных Ваниных тумачков люди обычно с сотрясением мозга в больницу попадают.

Вот такая грустная история вышла. И я вам ее не в качестве нравоучения рассказал, а для того, чтобы вы поняли, как опасно я отношусь к возможным последствиям любой попойки и почему всегда стараюсь внимательно следить за происходящим, вмешиваясь в дела друзей при чрезвычайных обстоятельствах.

Сегодня, напротив, все было как обычно. Попов недовольно ворчал, получая свою уменьшенную дозу, мой Рабинович его подкалывал, ловко парируя ответные выпады, а Ваня Жомов, как всегда, торопил Сеню, требуя разливать быстрее. День Вымогателя тянулся своим чередом, но это не означало, что совсем ничего произойти не может. Поэтому я и не терял бдительности, не забывая, впрочем, опорожнять свою

миску с опостылевшим уже мне собачьим кормом. Я-то надеялся, что сегодня мне в честь праздничка хотя бы тушенки дадут, но Рабинович, наученный тем, что в тушенке вместо мяса зачастую оказывается одна соя, брать эти консервы наотрез отказывался. И, как вы понимаете, убедить его возможности у меня не было.

– Сеня, может быть, прекратим ерундой страдать? – в очередной раз взмолился наш криминалист.

Мне его так жалко стало, что я уже собрался провести свой фирменный трюк – изображение страшной тревоги и волнения. В нормальном состоянии мой хозяин, конечно же, мгновенно разоблачил бы такой блеф, но когда Его Светлость в подпитии, Рабиновича и слепой кутенок обмануть может. Я уже пару раз во время прежних Дней Вымогателя с рыком бросался на дверь. Рабинович с Жомовым тут же кидались проверять, кто меня так встревожил, а Андрюша Попов в это время мгновенно бросался к бутылке и залпом выпивал почти полный граненый стакан, возмещая недодачу алкогольных напитков. То же самое я собрался сделать и теперь – исключительно из жалости! – да Рабинович помешал.

– Что ты имеешь в виду? – прикинувшись деревенским дурачком, поинтересовался у криминалиста мой хозяин.

– А то сам не знаешь! – возмутился Попов и тут же со смиренным видом продолжил: – Согласен, вы победили. Вы крутые ребята с большими связями, а я ничего не умею. Вы довольны? Может быть, станем теперь поровну наливать?

– Давно бы так, – хмыкнул Рабинович. – Так и быть, на сегодня ты прощен...

– Э-э, нет! – возмутился Жомов. – А как же спортивный принцип, блин? Проиграл – значит, проиграл, в натуре, и обратной дороги нет.

– Тебе чего, водки жалко? – обиделся Попов.

– Не жалко, но принцип есть принцип, – отрезал омоновец. – Мне же, когда я на соревнованиях сорок пять из пятидесяти выбиваю, никто же не дает второй раз на огневой рубеж выйти! Вот и ты облажался, значит, получай то, что заслужил.

– Да при чем тут твои стрельбы?! – возмутился криминалист. – Просто сознайся, что ты жмот, и больше говорить об этом не будем.

– Я не жмот, но правила нарушать не позволю, – уперся омоновец и повернулся к моему Сене. – Короче, Рабинович, если ты этой плачущей свинке станешь наравне со всеми наливать, я с тобой, блин, разговаривать перестану. В конце концов, принципы уважать надо!

– Ну и козел же ты, Жомов! – обиделся Андрей и в сердцах махнул рукой. – Да пошел ты... – и, не придумав удовлетворительно адреса, буркнул себе под нос: – Куда подальше, блин!..

И Жомов пошел! Если так можно сказать, конечно, поскольку наш Ваня просто исчез. Еще мгновение назад я имел счастье лицезреть его здоровенные ножищи, обутые в свер-

кающие берцы, а секундой позже их просто не стало. То есть не ботинки с омовца пропали, а исчез он сам. Целиком и без остатка! Я даже из-под стола выскочил, чтобы удостовериться в том, что не сплю. К несчастью, я действительно не спал.

Сеня с криминалистом застыли словно статуи, ошарашенно глядя на крутящийся на столе стакан, который только что держал в руках Ваня. При этом вид у обоих был такой, словно они призрак увидели. Ни Рабинович, ни Попов не шевелились почти минуту, и я, опасаясь, как бы этот временный столбняк не перешел в постоянный паралич, коротко тявкнул. Это сработало. Сеня потряс головой и, проведя ладонями по лицу, как мусульманин во время молитвы, повернулся к криминалисту.

– Ты не охренел, Поп? – поинтересовался он. – Куда ты Жомова дел?

– А я-то тут при чем?! – изумился Андрюша. – Что ты на меня всех собак вешаешь?.. Прости, Мурзик!

– Ты еще скажи, что евреи во всем виноваты! – рявкнул мой хозяин. – Куда Жомова отправил, спрашиваю?!

Если быть честным, с Сеней я не совсем был согласен. То есть просто не мог поверить, что такое возможно! Конечно, во время наших путешествий в иных мирах Попову случалось иногда в сильно возбужденном состоянии ляпнуть такое, что потом непременно сбывалось – одна грудная жаба, едва не задушившая Моисея, или два беса в Скандинавии

чего только стоили! – но еще никогда не случилось так, чтобы Андрюшины проклятья срабатывали на его друзьях. И уж тем более не в нашем мире! Конечно, Попов мог здорово разозлиться на омовца. До такой степени, что перестал считать его другом. И все же я сильно сомневался, что в нашем мире поповские таланты могут проявиться.

– Никуда я его не посылал! – завопил криминалист. – Я тут ни при чем! Если бы каждый раз, когда я кого-нибудь куда-нибудь посылал, это срабатывало, у нас бы уже половина отдела у сатаны прописалась, а вторая половина сексуальную ориентацию сменила бы. Не фиг из меня козла отпущения делать.

– Ты мне мозги не компостируй, – стукнул Рабинович по столу кулаком. – Ты Жомова послал?.. Послал! Он исчез?.. Исчез. Хочешь сказать, что это само по себе произошло?.. Не держи меня за дурака!

– Сеня, ну честно, я ни при чем. – Мне показалось, что Андрей готов заплакать. – Не знаю я, что случилось. Может быть, мы не в нашем мире? Или опять что-то произошло, что все вокруг стало меняться?..

Нет, такое ляпнуть можно было только с пьяных глаз...

Вечно люди такие фразы придумывают, что хоть коту их под хвост запихивай, чтобы он пару витков вокруг Земли от ужаса сделал. Ну скажите мне, что можно с глаз ляпнуть, кроме слезинки? И как глаза могут быть пьяными? Что они, отдельно от всего организма алкоголь употребляют?.. Не мо-

жете объяснить? Вот и я не могу, но настолько привык человеческую речь слышать, что иногда даже сам по-людски думать начинаю и странные фразеологизмы употреблять.

Впрочем, извините, я опять отвлекся! Может быть, фраза о пьяных глазах и не была красивой с эстетической точки зрения, но по сути она была верна. Предположить, что мы находимся не в нашем мире, мог только пьяный Попов. Судите сами: каждый раз, когда мы куда-то перемещались, это сопровождалось временной потерей сознания, и, очнувшись, мы понимали, что находимся не в том месте, где были некоторое время назад. Сегодня ничего подобного не было, следовательно, в другой мир попасть мы не могли.

Да и предположение Попова о том, что наш мир изменился, было абсолютно беспочвенным. Прошлые разы, когда в нашей вселенной происходили изменения, мы их видели и осознавали. Например, когда выяснилось, что ОМОН сформирован за ненадобностью, да и собаки в милиции больше не служат, было ясно, что мир перевернулся. Сейчас ничего подобного не было, а значит, наш мир остался прежним... Или, может быть, из-за того, что мы никуда не отлучались, мы и не заметили, как вселенная встала с ног на голову?.. Кто бы мне на этот вопрос ответил?!

– Ты мне лапшу... – завопил было в ответ на поповское предположение мой хозяин и тут же запнулся. – Что ты сказал?

– Мир изменился, говорю, – почему-то с надеждой в го-

лосе заявил криминалист. – Помнишь же, Лориэль говорил, что глобальные перемены одной вселенной сильно влияют на ближайшие параллельные миры. Может быть, что-нибудь случилось где-то, и теперь все вокруг нас меняется!

– А ведь такое и на самом деле может быть, – задумчиво заявил мой хозяин и понял, что пьян он ничуть не меньше криминалиста.

ХЛО-ОП!!!!

Я едва не подпрыгнул на месте. Конечно, нужно было сразу догадаться, кто виноват в пропаже Жомова. На такие пакости способны только одни существа во всех вселенных – эльфы! И представитель этого народа, наш давний знакомый, кстати, сейчас висел под потолком поповской лаборатории, кружась вокруг лампочки, словно мутировавший мотылек. Причем эльф не просто кружился, а помирал со смеху, явно оказавшись не в состоянии полностью контролировать маршрут своего полета.

– Ой, не могу! Сдохну сейчас! – пищал Лориэль. – Ну, менты, ну, козлы безмозглые. Это же надо додуматься до такого? Вселенная у них изменилась. Гениально. Да если бы она могла измениться настолько, чтобы у вас в головах мозги, хотя бы размером с горошину, оказались, я бы просто счастлив был, – и завис наконец на месте. – Что уставились, козлы, мать вашу?! Эльфа давно не видали или просто отупели настолько, что меня не узнаете? Так смените ту прелую солому, что у вас в головах вместо мозгов находится!

– И как я сразу не понял, что за ублюдок в пропаже Жомова виноват? – удивился мой хозяин. – Ты, мухрен крылатый, куда Ваньку дел? А ну-ка, возвращай его назад!

– А если не верну, что сделаете, оркское отродье? – ехидно поинтересовался Лориэль.

Ну и дурак, раз спрашивает! Даже школьнику известно, что милиционеры, находящиеся на охране важных мероприятий, всегда носят с собой оружие. Мы с Сеней как раз только что с такой охраны и вернулись. Ну а поскольку домой уходить еще не собирались, Рабинович пистолет сдать не успел. Естественно, его мой хозяин и вынул из кобуры, наставив на эльфа. Рабинович очень хорошим стрелком никогда не был, а учитывая то состояние, в каком мой Сеня сейчас находился, я сомневался в том, что он хотя бы в потолок попасть сможет, но на Лориэля табельное оружие произвело устрашающее действие. Эльф попросту оторопел.

– Тебе нужно объяснить, что я с тобой сделаю, если через минуту Жомова здесь не будет? – поинтересовался мой хозяин.

– Тихо, тихо! – выставил перед собой маленькие ручки эльф. – Эта штука иногда стреляет, а ты, не дай Оберон, еще и попасть в меня случайно можешь...

– Нет, совсем не случайно, – отрезал Рабинович. – Я специально в тебя попаду.

– Только лампочку не разбей, – неожиданно заявил Попов. – На меня уже начальник матчасти ворчит. У меня за

эту неделю три лампочки перегорели.

– Да плевал я на твою лампочку! – заорал Сеня и посмотрел на эльфа. – Итак, я считаю до трех. Раз...

– Эй, ты же говорил о минуте! – пискнул Лориэль.

– Планы изменились, – констатировал Рабинович. – Два...

– Да получайте вы своего Жомова! – сдался маленький наглец. – Вот и связывайся с людьми. Хотел им сюрприз в честь праздника сделать, а они дебош устраивают. Попрошу у Оберона перевода. Хоть в рудники к гномам, фонариком на шлеме работать. Козлы все, мать их к троллю на десерт!..

С этими словами Лориэль взмахнул крошечной, меньше спички, палочкой. С нее посыпались радужные искры, затмевавшие свет «сороковки», горевшей под потолком. Я невольно зажмурил глаза и тут же услышал легкий хлопок, почти такой же, какой сопровождал появление эльфа, и в комнате возник Ваня Жомов. Правда, Лориэль немного промазал, и сидалище омоновца оказалось сантиметрах в тридцати правее стула, на котором он недавно сидел. Ваня грохнулся на пол, уронил шаткий стул и, едва не отдавив мне хвост, свернулся калачиком. Рабинович с Поповым тут же подскочили к другу и несколькими пощечинами привели его в чувство.

– О, блин! Уже все кончилось? – посмотрев по сторонам, огорчился Жомов. – А я только во вкус входить начал. Мужики, там такие приколы...

– Тебя где носило? – тряхнул Ивана мой хозяин, пытаюсь окончательно привести его в чувство. – Мы тут едва с ума не сошли.

– Да вы все давно с ума сошли, – заявил эльф и, спикировав к столу, ловко выхватил из банки кильку в томатном соусе. Откусив кусок, Лориэль сплюнул. – Как вы эту гадость едите? – Затем понюхал содержимое граненого стакана. – Тьфу, блин, тролль меня раздери! У вас что, нормального вина нет?

– По-моему, кто-то оборзел, – предположил мой Сеня.

– Я даже знаю, кто именно. Могу пальцем показать, – заявил Попов.

– Да отстаньте вы от мужика, блин! – неожиданно вступил за эльфа омоновец. Понятно. Напоролся Ваня до безобразия. – И ты не рычи, Мурзик, блин. Лориэль меня сейчас в кабак водил. Там такая выпивка классная! А я еще и подраться успел. Такую кашу заварил, что весь кабак на уши встал. Жалко, что не до конца там остался...

– А за это ты Рабиновича благодари, – посоветовал Ване Лориэль. – Если бы он пистолетом не размахивал, я бы тебе еще порезвиться дал. Я и им собирался праздник устроить. Вот только если про то, что тебе нужно, я и так знаю, то у них сначала спросить хотел. Так эти козлиные морды мне тут ультиматумы выдвигать стали. Пистолетом перед носом размахивали. Уроды, мать их!..

Что и говорить, Лориэль был в своем репертуаре. И я не

только про его манеру общения говорю. Эльфы вообще и этот маленький болтун в частности привыкли все делать так, как им нравится, никого об этом не спрашивая. Я очень сильно сомневался, что, не будь у моего Сени пистолета, Лориэль стал бы моих ментов спрашивать, какие виды развлечений в качестве праздничного подарка они предпочитают. Скорее всего, поставил бы перед фактом исчезновения Жомова, наплел с три короба и принудил бы нас что-то сделать, чтобы омоновца спасти.

А тому, что Ваня успел за считанные минуты и напиться, и дебош в каком-то кабаке устроить, удивляться не стоит. Я как-то уже говорил, что время в разных измерениях течет по-разному. Так, мы, проведя в чужом мире несколько дней, возвращались назад в тот же день, когда в путешествие отправлялись. Так что можно считать удивительным то, что омоновец войну в чужом измерении за пару минут нашего времени не успел развязать. А пьянка и драка для Вани – в порядке вещей!

– Ты мне лапшу на уши не вешай, – так же, как и я, не поверил мой хозяин объяснениям Лориэля. – С какого это перепугу ты нам подарки к празднику решил делать? Скажи лучше, что это Оберон тебя послал.

– Да при чем тут Оберон?! – возмутился маленький наглец. – Что, я по доброте душевной вам приятное сделать не могу? Все-таки не одну операцию вместе с вами провели. Коллегами стали, так сказать.

– В натуре, Сеня, что ты на него бычишься? – вновь вступился за эльфа Жомов, из чего можно было заключить, что омоновец находится в состоянии отнюдь не легкого опьянения. – Может, Лориэль нам действительно подарок хотел сделать? Он же сразу вернул меня обратно...

– Ага. Только после того, как я на него пистолет наставил, – буркнул Рабинович.

– Да я и так бы вернул. Просто вы даже слова мне вставить не дали, – возразил перепончатокрылый болтун. – Кинулись на меня сразу, как гоблины на протухшую конину.

– Сеня, а что, может быть, и в самом деле рванем куда-нибудь поразвлечься? – несмело предложил Попов.

Так, этому тоже больше не следует наливать! Да что они все, с ума посходили? Мало им было последнего «отпуска», когда нас обманом в Мезоамерику заманили и принудили помогать эльфам вселенную спасти?.. Конечно, был небольшой шанс, что Лориэль говорил откровенно и горел желанием скрасить моим ментам праздник, но мне в это верилось с трудом. В любом случае я бы поостерегся верить обещаниям эльфов, несмотря на то, что сейчас Лориэль был самой невинностью. Но это я.

А мои менты под действием винных паров осторожность совсем потеряли.

– Что молчишь, Сеня? – не унимался криминалист. – У нас вон и водка кончается. Зачем свои деньги на продолжение банкета тратить, когда можно на халяву оторваться по

полной программе?

До этого момента моего Сеню явно терзали сомнения, но фраза о деньгах решила все. Рабинович, как настоящий милиционер, никогда погулять не отказывался и как истинный сын своего народа предпочитал это делать за чужой счет. Может быть, будь Сеня потрезвей, он никогда бы на увещевания Лориэля не купился, даже несмотря на то, что эльф мгновенно, по первому требованию, вернул Жомова назад, но теперь голоса разума мой хозяин не слушал. Даже если у его разума этот голос когда-то и был!..

– А-а, хрен с вами! – махнул рукой Рабинович и посмотрел на эльфа. – Тащи нас куда-нибудь. Только чтобы выпивка была хорошая и девочки красивые.

– И закуски навалом! – добавил Попов.

Жомов от себя добавлять ничего не стал. Да оно и понятно! Сеня про выпивку уже сказал, а повод подраться с кем-нибудь омоновец всегда найти может. Кроме этих двух видов развлечения, не считая стрельбы, Ваню ничего и не интересовало. По крайней мере, я о других увлечениях Жомова ничего не знал. Поэтому если бы Ваня сейчас попросил что-нибудь, кроме вышесказанного, я бы страшно удивился. Хотя, если бы омоновец вдруг отказался куда-либо отправиться, я бы был несказанно рад и чрезвычайно ему благодарен. Впрочем, мои пристрастия, как обычно, никого не интересовали.

– Так куда вы хотите отправиться? – поинтересовался

эльф, и я этому жутко удивился. Если Лориэль нас спрашивает, а не закидывает сразу куда-нибудь, может быть, действительно с честными намерениями к нам прибыл?

– Да хоть в Африку, хоть в Китай, хоть в Индию, – махнул рукой омоновец. – Какая, на фиг, разница!

– Только не в Африку, – заявил Рабинович. – Мне негритянки не очень нравятся.

– Лучше в Индию. Говорят, там красиво, – предложил Попов.

– Тоже мне, эстет нашелся, – фыркнул мой хозяин. – Ты же, кроме кабака, ничего не увидишь.

– А у китайцев водка противная, – вдруг вспомнил Ваня.

– Так куда? – нетерпеливо поинтересовался Лориэль.

– Ну, давай в Индию, раз уж Попову туда так хочется, – пожал плечами Сеня. – По крайней мере, красивых девок там хватает, – а затем повернулся ко мне. – Мурзик, иди сюда!

Если до сего момента у меня еще оставалась слабая надежда на то, что мои сослуживцы так и не смогут прийти к согласию относительно места продолжения банкета и мы останемся-таки дома, то теперь эти надежды развеялись в прах. Решив применить последний из доступных мне аргументов, я уперся в пол всеми четырьмя лапами, показывая ментам, что идти куда-либо отказываюсь, но Сеня самым бесцеремонным образом схватил меня за ошейник. Я попытался рывкнуть на него, надеясь привести в чувство, но лай

застрял на половине пути, а затем наступила темнота...

Глава 2

Будьте как дома, дорогие гости!
Харон

Голова не болела, тошноты не было, и пить не хотелось. Рабинович, привыкший к тому, что подобные симптомы случаются каждый раз после Дня милиции, удивленно прислушался к своему организму, не понимая, как в этот раз удалось избежать похмелья. Вроде и выпили вчера немало, а чувствовал он себя прекрасно. Вот только соседи, уроды, с самого раннего утра почему-то решили индийскую музыку на всю громкость врубить, но с этим можно легко разобраться. Тем более что соседи... Соседи?! И тут Сеня вспомнил, что его соседей поблизости быть не может. Более того, празднование еще не закончено. Вот только непонятно, с чего это вдруг он мгновенно протрезвел?

Рабинович открыл глаза и сел. Так и есть! Вся веселая и неразлучная компания находилась в месте, даже отдаленно не напоминавшем лабораторию Попова. Конечно, если представить, что весь отдел милиции внезапно перевели в какую-нибудь графскую усадьбу, служащую памятником архитектуры, то огромный зал с колоннами вполне мог бы оказаться вотчиной эксперта-криминалиста. И пусть в мире возможно почти все, но подобные нововведения явно находятся

даже за гранью фантастики. Тем более что никто и никогда дюжину танцовщиц, завернутых в сари, в подчинение Попову не даст, да и такой стол, уставленный яствами, вряд ли младшему лейтенанту начальство предоставит. В общем, ясно, что Лориэль свое обещание исполнил. Вот только Сеня не понимал, почему он так внезапно протрезвел.

И раньше после переноса в иной мир бывало такое, что троица российских милиционеров приходила в себя протрезвевшей. Но почти каждый переход в чужую вселенную сопровождался обычными похмельными симптомами. В этот раз их не было, что дало возможность кинологу трезво взглянуть на вещи и понять, какую глупость они совершили, доверившись эльфу. Сеня огляделся по сторонам, в глубине души надеясь увидеть Лориэля и высказать ему все, что думает о нем лично и об эльфах вообще, но этой мелочи крылатой, как и следовало ожидать, нигде не было. Чего не скажешь о Попове и Жомове. Оба друга-соратника криминалиста лежали на невысоких топчанах рядом с ним, а Мурзик, как обычно, покоился на широкой груди омовца.

– Предатель, – констатировал Сеня и посмотрел на танцовщиц, кружившихся в центре зала. – По крайней мере, хоть одно обещание этот маленький урод исполнил...

ХЛО-ОП!!!

– Ты кого уродом назвал, дятел длинноклювый? – раздался возмущенный писк эльфа. – На себя, блин, потомок Буратино, посмотри!..

ХЛО-ОП!!!

Это уже было что-то новенькое. Никогда еще Лориэль не появлялся перед ментами в сопровождении кого-нибудь. Случай с Нимроэлем в Мемфисе можно не считать, поскольку тот странный эльф не прибывал во вселенную вместе с Лориэлем, а всегда находился неподалеку от ментов, оставаясь невидимым.

Впрочем, после того как быстрая вспышка яркого света исчезла, Рабинович прекрасно понял, что появившееся в зале существо новеньким для всей троицы не является. А вот у танцовщиц на это была, видимо, своя точка зрения. Едва увидев трехглавого монстра с перепончатыми крыльями, невесть откуда свалившегося прямо в гущу танцующих, девушки с диким визгом бросились наутек. Горыныч, явно не ожидавший такого приема, тоже испугался и начал стремительно увеличиваться в размерах, явно намереваясь проломить головами потолок.

– А-ну, прекрати сейчас же, керогаз самовозгорающийся! – завопил на Ахтармерза Рабинович. – Передавишь всех на фиг, а потом нас еще и обвинят, что из-за тебя какой-нибудь Харе Кришна не родился. Задолбаемся опять во всех вселенных эти ошибки исправлять...

– Харе – это не имя, – встрял в разговор Лориэль.

– Да мне по фигу! – отрезал Сеня. – Ты лучше объясни, где мы и что тут Горыныч делает!

– Ага. И заодно скажи, какого хрена я опять трезвый? –

добавил проснувшийся омовенец. — Мы что, по-твоему, зря весь вечер пили?

Эльф объяснил. Правда, оскорбленный до глубины души в своих лучших намерениях, Лориэль в этот раз превзошел самого себя в использовании ненормативной лексики. Нормальный среднестатистический человек и половины бы из его высказываний не понял, но российские милиционеры, закаленные общением со всякими антиобщественными элементами, слышали и не такое. Даже Попову, больше якшавшемуся с пробирками, вещдоками и прочими следами преступлений, чем с живыми людьми, было абсолютно все ясно. Остальным придется удовлетвориться вольным переводом с ненормативного языка на русский.

Мгновенное протрезвление доблестных российских милиционеров объяснялось очень просто. Эльфы, наделенные магическими способностями, уже пару раз демонстрировали этот трюк, одним щелчком пальцев удаляя излишки алкоголя из организма. Лориэль же, по его словам, сделал это только для того, чтобы троица ментов могла сполна насладиться отличным вином, поданным к столу, и не страдать потом от того, что водку с чем-то намешали. Ну а появление во дворце Ахтармерза было вызвано лишь желанием эльфа предоставить возможность старым боевым товарищам, живущим в разных вселенных, вновь собраться вместе и вспомнить былые времена.

— Но от вас, козлов, разве дождешься благодарности? —

обиженно закончил свою речь Лориэль единственной фразой, способной беспрепятственно пройти любую цензуру.

– Ты мне не темни, – покачал головой Рабинович. – Скажи лучше сразу, что на этот раз вы с Обероном задумали?

– Все, блин, с меня достаточно! – обиженно пискнул маленький дебошир. – Я тут стараюсь для них, а они на меня поклепы возводят. Отправляю вас домой и умываю руки. Ну вас всех к гномьей матери!..

– Э! Подожди, – завопил Жомов, видя, что Лориэль уже поднял руку с миниатюрной волшебной палочкой. – Офигел, что ли? Сначала дай нам вернуться в то состояние, в котором мы были, а потом уже и домой возвращай.

– А вот хрен вам! – Лориэль почему-то показал ментам кукиш, мало похожий на упомянутое им огородное растение. – В следующий раз будете знать, как честного эльфа оскорблять.

– Да никто тебя не оскорблял, – встрял в разговор Попов, жадно косясь на блюдо с огромными кусками мяса. – Просто, согласись, у нас есть все основания не до конца тебе доверять. Давай забудем все обиды и продолжим праздник.

– Пусть этот дятел длинноклювый сначала извинится, – категорически отрезал эльф, ткнув палочкой в сторону Рабиновича.

– Ты кого, урод, дятлом назвал?! – не сдавался кинолог.

В этот момент Мурзик приглушенно зарычал, принимая стойку. Прижав уши к голове, пес скалился, глядя куда-то за

спину Горынычу. Тот резко обернулся, а менты вскочили с мест, сжимая в руках верные резиновые дубинки, и увидели, как в зал крадучись входят несколько десятков мужчин, вооруженных кривыми саблями, похожими на турецкие ятаганы. Ахтармерз сделал несколько шагов назад, а трое российских милиционеров мгновенно встали рядом с ним.

– Это тоже входит в программу развлечений? – наивно спросил у эльфа Рабинович.

– Ага. И цены на него по прейскуранту. Чаевые можете не давать, – язвительно ответил тот, а затем повернулся к аборигенам. – А ну, пошли отсюда, троллевы дети. Вас сюда никто не звал!

– Так нам же девки сказали, что тут чудовище, – в замешательстве пробормотал один из стражников, тыча в сторону Ахтармерза саблей. – Говорят, оно всех съест собирается.

– Во-первых, будьте точны в выборе терминологии. Для меня гуманоиды не менее чудовищны, чем тактырпалтусу схринамахер, – встал в позу Ахтармерз. – А во-вторых, я тебе не «оно» и такой дрянью, как немытые аборигены, едва успевшие отбросить обезьяньи хвосты, питаться не собираюсь!

– Так мы мытые! – заверил Горыныча стражник.

– Пошли отсюда, я сказал! – заверещал на него эльф, а затем повернулся к ментам. – Так мы будем извиняться или домой трезвыми поедем?

– Сень, да извинись ты! – ткнул кулачищем в бок Рабино-

вича омоновец. — Чего от халявной выпивки-то отказываться!

Кинолог задумался. С одной стороны, извиняться перед наглым эльфом Рабиновичу очень не хотелось, да и не видел он причин для того, чтобы приносить извинения. А с другой стороны, раз уж празднование Дня милиции было испорчено полным отрезвлением гуляющих, было бы глупо не воспользоваться случаем и не восстановить справедливость, отдав дань местным алкогольным напиткам. Да и, не в пример прошлым случаям, в этот раз Лориэль выглядел искренним. Ну а вернуться домой менты всегда успеют, раз уж эльф с такой уверенностью это утверждает.

— Ладно, извини меня за излишнюю подозрительность, — глубоко вздохнув, проворчал Сеня. — Только помни: если обманешь и в этот раз, честное слово, найду хорошую мухобойку и тебя прихлопну!

Лориэль что-то пробормотал себе под нос, но отвечать на угрозу Рабиновича не стал, решив сменить гнев на милость. Сене было очевидно, что эльф и сам не против того, чтобы погулять и развлечься, хотя причины подобного кинолог не понимал. Все-таки Лориэль никогда не питал особых симпатий к троице российских милиционеров, и те отвечали ему взаимностью. Именно поэтому Рабиновичу и казалось странным радушие эльфа, являвшегося истинным сыном своего народа, вполне заслуженно пользующегося славой самых больших хитрецов во всех вселенных.

Лориэль, если и замечал не слабеющую подозрительность кинолога, виду не подавал. Вместо того чтобы ворчать и сыпать проклятиями, как он привык это делать, маленький наглец принялся отдавать приказания прислуге. И делал он это с таким видом, будто имеет полное право распоряжаться в этом доме. Сению это удивило и насторожило еще больше, если такое, конечно, возможно, и Рабинович со свойственным ему тактом потребовал от эльфа объяснений.

– А чего это ты тут раскомандовался? – поинтересовался кинолог. – Дом твой, что ли? Не великоват для тебя? Я думал, тебе и спичечного коробка хватит, чтобы трехкомнатную квартиру в нем сделать.

– А тебе бы только на чужое добро зариться и нос свой длинный во все дыры совать, – взъерошился эльф. – Тебе не по фигу, в чьем доме отдыхаешь?

– Да хватит вам друг к другу цепляться! – встрял в начинающуюся перепалку миролюбивый Попов. – Не можете спокойно посидеть, что ли?

– Я ведь просто спросил, – пожал плечами Рабинович.

– Каков вопрос, таков и ответ, – огрызнулся Лориэль.

– Так, блин, если сейчас собачиться не перестанете, обоим носики у чайников подрихтую, – взял на себя роль миротворца ООН Жомов. – Сеня, хватит его доставать. А тебе, Лориэль, что, так трудно ответить, чей это дом?

– Этот дворец принадлежит одному моему знакомому будде, идущему по пути бодхисатвы, – буркнул эльф, явно

не желая испытывать на себе способы, которыми омоновец рихтует носики у чайников.

– Ты сам-то понял, что сказал? – вытаращился на него Ва-ня.

– Повторяю для особо тупых омоновцев, – пискнул Лориэль. – Этот дворец принадлежал будде Шакьямуни, который встал на путь просветления, сделавшись бодхисатвой. Чего тут непонятного, мать вашу?!

– Ну вот, теперь узнаю прежнего пискуна, – фыркнул Жомов. – Только все равно ничего я из твоих объяснений не понял.

Эльф застонал и, хлопнув себя ладошкой по лбу, плюхнулся сверху в тарелку с виноградом, не помяв ни единой ягодки. А роль просветителя взял на себя Попов, считавший, что кое-что понимает в индийской мифологии. Впрочем, криминалист очень быстро запутался в собственных объяснениях, и пришлось Лориэлю оказывать Андрюше экстренную помощь, вкратце разъяснив бестолковым Жомову и Рабиновичу, кто есть кто в индийском пантеоне и почему маленький эльф чувствует себя в этом домике хозяином.

Больше половины всех объяснений омоновец с кинологом, как, впрочем, и Горыныч с Мурзиком, не поняли, но общую картину окружающей действительности в конце рассказа представить себе все-таки смогли. А затем удивились, на хрена они вообще тратили столько времени на выслушивание лекции по индийской мифологии, которая им в жизни

не пригодится. Впрочем, лишние знания никому еще не помешали. Да и не бывают знания лишними!

Судя по словам Лориэля, подкрепленным непрерывным поддакиванием криминалиста, мир, в котором очутились менты, дабы как следует отметить свой профессиональный праздник, имеет довольно странную структуру. Во-первых, что само по себе не ново, в центре его находится большая гора под названием Меру, вокруг которой крутятся Солнце, Луна и звезды. Подобным мироустройством ментов удивить уже было нельзя, поскольку схожие построения были и у викингов, и у ацтеков. А вот то, что последовало во-вторых, вызвало у российских милиционеров легкое удивление. По крайней мере у Рабиновича, поскольку Жомов к тому времени устал слушать объяснения и от души приложился к вину.

Так вот, эта вселенная состоит из бесконечного множества миров. Согласно местной религии, каждый отдельный мир представляет собой плоский диск, лежащий в воде, которая покоится в воздухе, а воздух – в пространстве. То есть получалось, что мир почти в точности соответствует тому, как устроена общая Вселенная. Удивленный Рабинович поинтересовался, как такое может быть, и Лориэль, проявив снисхождение, дал подробные объяснения криминалисту.

Оказалось, что обитатели этого мира немного заблуждаются. В действительности миров внутри вселенной не так уж и много, и все они слишком малы, чтобы считаться отдельными вселенными. Они все зациклены друг на друге, обра-

зую бесконечную петлю миров. А то, что аборигены считают вселенные бесконечными, объясняется тем, что некоторые из обитателей этой вселенской структуры, становясь бодхисатвами, могут при определенном стечении обстоятельств самостоятельно путешествовать по параллельным мирам. И когда они возвращаются обратно, то, естественно, считают, будто никуда из своей вселенной не отлучались.

– Занятно, – хмыкнул Сеня. – А что, верховный бог этого мира не знает, что не все миры ему подчиняются?

Тут выяснилась еще одна интересная особенность этой вселенной. Оказывается, верховного бога как такового тут не существует. То есть несколько наглых и самовлюбленных индивидуумов утверждают, что они и есть верховные боги. Каждый из претендентов на президентское кресло в пантеоне гнет свою линию и совершенно не пытается узнать правду, считая любые утверждения, кроме своих собственных, наглой ложью и пропагандой конкурентов.

Проблема осложняется еще и тем, что стать бодхисатвой, дабы прогуляться в параллельные системы, боги не могут. Достичь такого состояния способен только человек. Казалось бы, тут и решение всех проблем: прогулялся по вселенным, вернулся назад и объяснил людям, как устроен мир на самом деле. Но все не так-то просто. Становясь бодхисатвами, люди так отдаляются от всех мирских проблем, занимаясь самосозерцанием и самосовершенствованием, что им становится наплевать на общую безграмотность и внутритро-

литические раздоры местного Олимпа, то бишь Меру.

Ну и последним фактором, мешающим существам отдельного мира оказывать серьезное влияние на всеобщую Вселенную, является то, что они свято верят в карму. Дескать, именно она правит всем миром, и даже боги, сами того не ведая, полностью подчиняются законам кармы. Лориэль недвусмысленно намекнул, кто именно этой «кармой» для индусов и их богов является, и Сеня в ответ криво усмехнулся. Естественно, разве может что-то в параллельных вселенных обойтись без вмешательства Оберона!

Впрочем, влияние повелителя эльфов в этой вселенной было минимальным. Во-первых, ему было трудно оказывать значительные воздействия на конгломерат миров, являющихся замкнутой системой. Во-вторых, оттого, что боги не являлись истинными правителями этого мира и не могли достичь высшей ступени совершенства, местная вселенная упорно противилась любому воздействию «высших сил» и этим ослабляла любые действия Оберона. Ну и, в-третьих, этот мир был настолько самодостаточен и консервативен, что оказывал мало влияния на соседние параллельные пространства.

Именно потому, что влияние Оберона в этой вселенной было минимальным, Лориэль и полюбил ее. Те редкие временные промежутки, во время которых эльфу удавалось выбить у начальства отпуск, он стремился провести здесь, дабы, как любят говорить в армии, быть поближе к кухне

и подальше от начальства. Сеня тут же предположил, что маленький наглец получил отпуск, но Лориэль опроверг это утверждение. Оказалось, что крылатый болтун что-то напорочил во время своего последнего задания и Оберон отстранил его от работы. Что именно произошло, Лориэль объяснять наотрез отказался и вместо этого предложил просто отдохнуть и забыть о делах.

– И все равно не пойму я, почему ты выбрал нас в качестве собутыльников? – хмыкнул Рабинович. – Мы тебе вроде не родня...

– Вот, все люди такие. В любом измерении! – обиделся эльф. – И почему вы всегда в благие намерения, чистые побуждения и искренние чувства верить отказываетесь?

– А потому и отказываемся, что обманывают нас часто. Причем все кому не лень, – ответил кинолог.

– Вы сами себя в первую очередь обманываете, – огрызнулся Лориэль и отхлебнул каплю вина из бокала размером меньше наперстка. – Ну, не пойму я, куда танцовщицы делись, тролль их раздери? Долго я еще ждать буду?!

– Ты гляди-ка, наш мухрен крылатый раздухарился! – удивился омоновец, с неожиданной симпатией глядя на захмелевшего эльфа. – Сейчас еще и песни петь начнет.

– И начну! – заявил Лориэль и тут же исполнил свое обещание: – Взвейтесь кострами, синие ночи. Чтоб эльфа увидеть, выпей побольше, – и тут же запнулся. – По-моему, что-то я не то пою.

– Ты лучше молча пей. Умнее выглядишь, – посоветовал Рабинович и перевел взгляд на дверь, из которой в банкетный зал выплывали индийские танцовщицы. – Да-а. А потоньше тут никого нет?

Девушки и вправду отличались довольно внушительными габаритами. То есть, конечно, совсем толстыми назвать их язык бы даже у Рабиновича не повернулся, но и стройными красавицами танцовщицы не были. Можно даже сказать, что они довольно мало отличались от тех коров, которых в Индии почитают священными. Правда, двигались они в отличие от вышеупомянутых парнокопытных плавно и не без грации, да и рогов с копытами не имели, а в остальном сходство было поразительным. Это на взгляд Рабиновича, конечно. Попов имел другое мнение.

– Ничего ты в женской красоте не понимаешь, – безапелляционно заявил криминалист. – Женщины должно быть много, чтобы было за что подержаться.

– Тоже мне, знаток женской красоты нашелся! – фыркнул Сеня. – Впрочем, кабану и должны свиноматки нравиться.

– Зато они хорошо танцуют, – встрял в диалог Лориэль, и головы все присутствующих, включая три черепашки Ахтармерза, повернулись в сторону танцовщиц, чтобы проверить это утверждение эльфа.

Тут мнения присутствующих относительно привлекательности тех па, что выделявали танцовщицы посреди зала, также разделились. И вопреки бытующей в народе поговор-

ке, что о вкусах не спорят, в подвыпившей компании вновь разгорелась жаркая дискуссия. Рабинович решил до конца стоять на своем и заявил, что размахивающие руками и ногами девицы, устроившие дикарский хоровод в банкетном зале, заслуживают разве что хорошего артобстрела из гнилых помидоров и тухлых яиц, а никак не восторженных отзывов. Более того, Сеня заявил, что зря согласился с предложением Попова и с большим удовольствием наблюдал бы за африканками из племени тумба-юмба или японскими гейшами, чем за такими вот художественно-эпилептическими антраша индусских коров.

Попова с Лориэлем, нашедших общий язык на базе поклонения индийским женщинам, подобные заявления кинолога страшно возмутили. Оба стали доказывать Рабиновичу его неправоту. Причем делали это одновременно и в манере, присущей только им: Андрюша пытался растолковать бестолковому Рабиновичу всю глубину смысла любого индийского танца, а эльф просто крыл кинолога отборным матом, хотя и почти неслышным из-за громкой музыки.

Остальным пирующим и индийские танцовщицы, и спор, и сами спорщики были глубоко до лампочки. Мурзик, выражая полное презрение к индийскому искусству танца и подвыпившим скандалистам, лежал на полу мордой к стене, а хвостом, соответственно, к пирующим и с упоением грыз мозговую кость абсолютно неизвестного животного, но не человека, это точно! Жомов тоннами поглощал вино, сам с

собой обсуждая его отличия от российской водки. А Горыныч попытался было высказаться насчет бессмысленности гуманоидных танцев как таковых, если только они не являются необходимыми составляющими брачных ритуалов, но трое спорщиков, временно объединившись, так наорали на Ахтармерза, что тот обиделся, раздулся, сломал топчан, на котором сидел, и надолго замолчал.

Наконец Жомову надоел беспорядочный шум.

– Слушайте, достали, блин. Вы или этот занудный музыкальный центр выключите, – Ваня махнул рукой в сторону индийского оркестра, – или сами заткнитесь. Уши от вас вянут!

Трое спорщиков посмотрели на омовца так, словно первый раз его увидели и совершенно не понимают, как это чудо бестактности могло оказаться в их обществе. А Жомов, как тот мавр, что сделал свое дело, мог бы уже уходить, но делать этого, естественно, не собирался. Он просто вновь присосался к бокалу с вином и мутным взором уставился куда-то вдаль, поверх голов танцовщиц, кстати, ни на секунду не прекращавших выделять всяческие номера. Несколько секунд никто из пирующих не издавал ни звука – чавканье и бульканье не считаются! – а затем Ваня встрепенулся.

– Не понял, это что за ерунда? – глядя на что-то невидимое остальным, поинтересовался омоновец.

– Где, Ванюша? Что там такое, мой маленький? – ележно поинтересовался Рабинович.

– Вон там, – Жомов махнул рукой перед собой. – Корова. С седлом.

– Вообще-то, Ваня, в таких случаях обычно белые кони приходят, – подсказал другу добрый кинолог. – Присмотрись внимательней. Может быть, рога на животном тебе померещились? – А затем повернулся к Лориэлю. – Ты уверен, что тут в вино белладонну какую-нибудь не добавляют?

– Ничего мне не померещилось! Корова, она и есть корова, и никаких белых коней... – возмутился Жомов, пропустив последнюю реплику Рабиновича, и только теперь понял, на что Сеня намекал. – Ты чего, чучело, думаешь, у меня белая горячка началась? Иди сам посмотри!..

Вместо того, чтобы проверить, какие видения посещают лучшего друга, кинолог собрался сказать какую-то очередную колкость, но сделать этого просто не успел. В зал, где пировала вся честная компания, действительно ввалилась пегая корова, спину которой украшало, если для коровы такой термин уместен, конское седло, отделанное драгоценными камнями. Бесцеремонно растолкав танцовщиц, корова прошла прямо к пиршественным столикам и встала вполоборота к ментам. Те разинули рты.

– Ну и как я вам? Нравлюсь? – кокетливо поинтересовалась буренка.

– Вы видите то же самое, что и я? – не сводя с коровы глаз, спросил у друзей Сеня. Те ответили утвердительно. – Коллективная галлюцинация.

– Где галлюцинация? – спросила парнокопытная модница.

– Ты и есть галлюцинация, – ответил кинолог. – Это надо же до такого допить, что оседланные коровы мерещиться начинают.

– Хам! – констатировала телка и, обиженно развернувшись, пошла к выходу, виляя крупом. – Каким же скотом надо быть, чтобы честную девушку галлюцинацией обозвать?! Слово-то еще какое нашел, пошляк! Я его в приличном обществе и произносить бы постеснялась...

Голос коровы постепенно стихал по мере того, как она удалялась от столиков. Менты, раскрыв от удивления рты, смотрели ей вслед. И лишь танцовщицы, не прекратившие своих движений, да индийский оркестр, казалось, не обратили никакого внимания на странную визитершу. Из оцепенения ментов вывел Ахтармерз.

– А она ничего. Симпатичная, – констатировала средняя голова. Правая кивнула, подтверждая эти слова, а левая высунула раздвоенный язык и распустила слюни. Ахтармерз стукнул по ней крылом, призывая вести себя прилично, а Сеня захохотал.

– Нет, я еще понимаю, почему нам с пьяных глаз глюки мерещатся, но с Горынычем-то что? – изумился он. – Слушай, Лоризель, тут с едой все в порядке? Галлюциногенов нам никаких не подмешивают?

– Да нет у вас никаких видений, – заявил эльф и, пытаясь

сохранить равновесие, удержавшись за край тарелки, провалился рукой по самое плечо в какую-то приправу. Не обратив на это никакого внимания, Лориэль продолжил:

– Я эту корову тут уже пару раз видел. Только она без седла тогда была. Помню, в медовый месяц... – Эльф запнулся. – А-а, провались оно все пропадом в гномьи шахты! – И, мотнув головой, со звоном стукнулся лбом о золотой бокал Рабиновича.

– Э-э, брат, да тебя развезло! – констатировал Сеня и аккуратно, за шкурку, выдернув Лориэля из приправы, посадил его в тарелку с фруктами. – Ты давай-ка придержи коней. А то потом нас домой не сможешь отправить.

– Я не смогу?! – пьяным голосом переспросил эльф. – Да я вас сейчас...

– Ну-ну, утихомирься. Мы еще не все выпили, – осадил его омоновец.

– Точно. Налейте мне еще, – потребовал маленький пьяница и, потянувшись за своим миниатюрным бокалом, плюхнулся на кусок жареного мяса. – Так. Закуска уже есть, теперь...

Не закончив фразы, Лориэль как-то странно пискнул, а затем свернулся калачиком и, положив руки под голову, тоненько захрапел. Менты переглянулись, а затем зашлись в безудержном смехе. Попов, схватившись за живот, согнулся вдвое, Сеня трясся, как приговоренный к смертной казни на электрическом стуле, а Жомов и вовсе свалился со своего

топчана. И, как ни странно, троим доблестным милиционерам, до этого момента так долго и так часто мечтавшим сделать из эльфа чучело для коллекции какого-нибудь энтомолога, даже в голову не пришло воспользоваться беспомощностью Лориэля. И не только потому, что он был их пропуском домой! Все ведь знают, что российский милиционер убогого никогда не обидит!...

– Да-а, склеился наш мухрен болтливый, – протянул Жомов, устав смеяться. – Сразу видно, что эльф. Пить, блин, не умеет. Ладно, пусть проспится. А то еще забросит нас вместе дома в какую-нибудь Таракатьмунь...

– Тьмутаракань, – поправил его кинолог.

– А какая, блин, разница? – пожал плечами омоновец. – Все равно не Россия!

– А давайте споем, мужики! – предложил Попов и, не дожидаясь ответа, начал соло: – Черный «бумер», черный «бумер» под окном катается. Черный «бумер», черный «бумер» девкам очень нравится...

Трудно сказать, каких девок имел в виду криминалист, утверждая, что им нравится черный «бумер», но индийские танцовщицы оказались не из их числа. Наверное, местные девушки о «бумерах» ничего и никогда не слышали. Ни о черных, ни о красных, розовых или серо-буро-малиновых в яичную крапинку... Хотя в том, что соло Попова должным образом не оценили, скорее всего, виноват не смысл шлагера, а громкость, на которой он был воспроизведен.

Андрюша, отвыкнув за месяцы жизни в нормальных для мента условиях от того, что вселенные отличаются друг от друга, совершенно забыл, какие свойства принимает его голос в других измерениях. Ну а в этом мире, судя по всему, ни о Джельсомино, ни об иерихонских трубах слыхом ничего не слыхивали. И если это так, то становится вполне понятным то, что дальше произошло.

Первые же звуки поповского голоса сдули со столика, стоявшего перед ним, всю снедь. Дальше ударная волна мощностью в... в очень много децибелов уронила на пол нескольких ближайших к вокалисту танцовщиц. Причем одну из них проволокло по полу метров пять, а затем край сари девицы зацепился за что-то, и ее просто размотало из куска тряпки, называемой индийским национальным костюмом. Танцовщица с визгом бросилась на выход, а за ней, вопя, умчались и те девушки, кто еще мог стоять на ногах.

Про национальный оркестр и говорить не приходится. К своему несчастью, он оказался прямо на линии огня. И не остановись Андрей вовремя, музыкантов было бы легче краской замазать, чем отодрать от стен. Ну а так обошлось без повреждений. Ну, почти! Легкие контузии, ушибы, синяки, глухоту, слепоту и потерю дара связной речи в милиции считать серьезным ущербом не принято. Это же не сломанные ребра, отбитые почки и тяжелые черепно-мозговые травмы. Так, забава детская, и все.

– Ой! – констатировал Попов, глядя на то, что сотворил. –

А я и забыл совсем про свой голос.

– Сеня, ты не обидишься, если я сейчас вот этот поднос вокруг поповской хари обмотаю? – спросил у кинолога Жомов.

– Нет. Но лучше затолкай его в пасть этому уроду, – проищая уши, посоветовал Рабинович. – Хотя нет. Золотой поднос ему только вместо рупора послужит. Оглушим все, даже если Поп что-нибудь шепотом скажет.

– Ничего. Он у меня вообще разговаривать разучится, – пообещал омовец, стряхивая фрукты с подноса.

– Вы что, мужики, охренели совсем?! – пятась, поинтересовался незадачливый певец. – Я же не нарочно. Говорю же, забыл совсем о голосе.

– Зато мы все помним! – безапелляционно заявил Жомов, поднимаясь со своего места.

– Та-ак! И что здесь творится? – Чей-то голос, прогребо-тавший со стороны входа, заставил омовца остановиться. – Что за бардак здесь, я спрашиваю?

– Их святейшества День Российской милиции отмечают, – ответил неизвестному кто-то из слуг.

– Какой милиции?! – изумился тот.

– Российской, – последовал ответ.

– А какого хрена, скажите мне во имя нирваны, русские менты тут делают? – зарычал неизвестный и чуть тише добавил: – И кто такие русские менты? О чем мы вообще говорим, в безначальную сансару тебя?!

– Что-то я не понял, кто там вопит? – разминая пальцы, поинтересовался Жомов.

– Сейчас увидим, – предположил Семен.

А посмотреть было на что! Существо, представшее перед грозные очи ментов, похоже, было тем самым, которое представлялось Радищеву – «обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй», – когда тот писал свое «Путешествие из Петербурга в Москву». Честно говоря, глаз у незваного гостя было всего восемь, а пастей – четыре, но лаялся он от души! К тому же, если учесть, что странное существо было краснее вареного рака, имело четыре премерзкие бородатые рожи и восемь рук, то становится просто удивительным, что при виде его российские милиционеры не бросились писать новые «Путешествия».

Впрочем, на то они и менты, чтобы писать не всякую там муру высокохудожественную, а протоколы, акты дознания и заключения судебно-медицинской экспертизы.

– Вы кто такие? – грозно поинтересовалось существо у милиционеров.

Согласитесь, несказанная наглость! Особенно если учесть, что все трое были в форме и при регалиях.

– Мы-то знаем, кто мы такие, – с омоновской логикой заявил Иван. – А вот ты кто такой? Ну-ка, уродец, документы предъяви.

– Документы? Усы, лапы, хвост – вот мои документы! – завопил незнакомец и поперхнулся. – А при чем тут хвост,

собственно говоря?

– Вот и мы у тебя про это же хотели спросить, – ответил омоновец, отстегивая от пояса дубинку. – Так ты скажешь, кто ты такой, или тебе помочь?

– Вы откуда свалились, если не знаете, кто я такой? – оторопел пришелец.

– «Кто такой, кто такой»! Можно подумать, ты пуп земли, чтобы тебя во всех вселенных знали, – раздался со стола писклявый голос. Менты обернулись и уставились на эльфа.

– Брахма это. Считает себя верховным божеством и создателем всех миров, – потирая виски, проговорил Лориэль. – Ты чего, мать твою троллю на гарнир, тут делаешь?

– Я чего тут делаю? – изумился краснокожий Брахма, умудравшийся говорить всеми четырьмя ртами в унисон. – Шакьямуни, когда бодхисатвой собрался заделаться, попросил меня за домом присматривать, чтобы вот такие проходимцы, как ты, сюда лазить не вздумали.

– Это я-то проходимец, башка твоя четырехрылая?! – взорвался Лориэль. – Между прочим, я друг Шакьямуни, и он сам приглашал меня приходить в любое время.

– Да. Но не тогда, когда хозяина нет дома, – отрезал Брахма. – Из уважения к Шакьямуни и его чувствам наказывать тебя я не стану. Даю вам полчаса, чтобы убраться отсюда, или вызываю дежурный наряд дэвов, – и с этими словами четырехликий монстр, круто развернувшись, вышел из зала.

– Эй, стой! Мы еще не закончили, – рванулся было вслед

ему омоновец, но Лориэль остановил Ваню.

– Да плюнь ты на него. Пусть идет на все четыре стороны, если сможет, – пискнул эльф. – Давайте лучше выпьем. А то у меня что-то голова разболелась.

– Что-то у тебя слишком быстро похмелье началось, – подозрительно покосился на него Ваня.

– А у нас, у эльфов, всегда так. Быстро пьянеем, но еще быстрее похмелье начинается, – проворчал Лориэль. – Поэтому мы и пьем очень редко.

Сеня, совершенно ничего не понимающий в индийской мифологии, но страдающий с детства страшным любопытством, тут же попытался потребовать от маленького болтуна, чтобы тот объяснил, кто такой Брахма. Однако страдающий Лориэль только махнул рукой. Дескать, ну его, этого Брахму, и без него голова болит. Но Рабинович не успокоился.

– А дэвы кто такие? – задал новый вопрос кинолог.

– Дэвы – это девушки, по-грузински, – сострил Попов, но тут же стушевался под испепеляющим взглядом Рабиновича.

– Вот, умеют же доставать, козлы, мать вашу!.. – беззлобно проворчал эльф, отвечая на Сенин вопрос. – Дэвы – это просто демоны. Обычно они добрые, но не тогда, когда приходится дежурными в наряд заступать. Тут уж они злее собак становятся.

– Это понятно, – посочувствовал дэвам омоновец. – В наряде даже Дед Мороз злей цепного кобеля стал бы. Я вот помню...

Однако рассказать о сладостных воспоминаниях Жомову не дали. Откуда-то издалека донесся невнятный шум, слышались топот ног и взволнованные крики. Мурзик бросил наконец-то так и не обглоданную дочиста кость и, встав на лапы, коротко зарычал, глядя на дверь. Менты насторожились, на всякий случай приготовив дубинки. А шум, усилившись, вдруг превратился в вой настоящей милицейской сирены. Не успели пирующие удивиться, как в зал влетели пятеро дэвов. На плече переднего сидел огромный попугай. Он-то и издавал звук сирены.

– «Жигули» о395са, немедленно прижмитесь к обочине! – увидев ментов, сменил пластинку попугай. – «Жигули» о395са, не...

Дэв дернул птичку за хвост. Попугай обиженно заверещал, а затем переключился на нужную запись:

– Внимание! Вы окружены. Сопротивление бесполезно. Сложить оружие и выходить с поднятыми руками. В противном случае открываем огонь на поражение.

Сказать, что российские милиционеры были в шоке, это не сказать ничего. От такого поворота событий они просто остолбенели. Мало того, что их какие-то чучела в красных шароварах, белых рубахах, синих жилетах и с чалмами на голове арестовывать пришли, так еще и не как положено это делают, и птица у них громкоговорителем работает!

– Круто! – захлопнув наконец рот, заявил омоновец. – С попугаями вместо автоматов меня еще арестовывать не при-

ходили.

– Можно подумать, тебя без попугаев арестовывать раньше пытались, – фыркнул Рабинович.

– Да, было дело. Еще до армии, – пожал плечами Иван. – Мне тогда так понравилось, как парни работают, что я сразу решил: отслужу в войсках и в милицию работать пойду.

Сеня хмыкнул, но комментировать тот судьбоносный для Жомова момент не стал. Вместо этого он повернулся к вошедшим дэвам и внимательно осмотрел их. Ручаться за то, что все местные демоны выглядят именно так, как эта пятерка, Рабинович не мог. Более того, он здорово сомневался, что демоны должны выглядеть точно так же, как обычные люди, но у пятерых дэвов ни лишних рук, ни ног, ни рогов найти кинолог не мог. Непрошенные гости, за исключением своих дурацких костюмов, конечно, выглядели как простые смертные. Впрочем, может быть, для мира, где верховный бог больше напоминает мутировавшего паука, такое явление и было нормальным.

– Ну так как, сдаваться будете? – раздался за спиной Рабиновича язвительный голос Лориэля, уже успевшего вновь приложиться к своему наперстку с вином. – Они ребята серьезные. Шутить не любят.

– Зато мы любим пошутить, – буркнул Сеня и искоса посмотрел на омовца. – Ваня, Андриюшин вокал тут работает. Давай проверим, наши дубинки своих свойств не растеряли?

– А на фига? – любопытствовал Жомов, поднимаясь на

ноги. – Я сейчас этих пятерых салабонов голыми руками на британский флаг порву!

И, не дожидаясь возражений, омоновец бросился в битву. Началась она вполне для Ивана удачно. То есть до дэвов добежать он смог, а вот дальше дело разладилось. Добравшись до первого демона, украшенного попугаем, Жомов одним движением сорвал с плеча местного стража закона болтливую птицу и, описав ею в воздухе широкий круг, запустил попугая в полет. Тот, видимо, не переносил перегрузок, истощно завопил и, не справившись с управлением, врезался в стену. Дэв удивленно проводил свой крылатый громкоговоритель взглядом, а затем повернулся к Жомову. Сказать, наверное, что-нибудь хотел. А Ваня мило улыбнулся и что есть силы зарядил своим пудовым кулаком в глаз демону... Тот не шелохнулся! Ваня попробовал еще раз – эффект нулевой.

– Дубина ты стоеросовая. Мы же демоны. А кто с демонами на кулаках дерется? – пожурил его дэв.

– Что же, вас чесноком надо кормить или святой водичкой прыскать? – поинтересовался Ваня.

– Я профессиональных тайн не открываю, – заявил демон и без замаха врезал омоновцу в челюсть.

Ваня всегда славился отличной реакцией, но против дэва и он устоять не смог. Все, на что хватило Жомова, это слегка отклонить голову, и удар местного стажа порядка пришелся ему не в челюсть, а в висок. Впрочем, лучше от этого Ване навряд ли стало. Омоновца подняло в воздух словно пу-

шинку. Он пролетел метра три и с грохотом свалился на пол. Впрочем, тут же сел и, тряся головой, заявил:

– Хороший удар. Сейчас, гад, посмотришь, как русские бьют!

– Офонарел, что ли? Жомов, назад! – завопил Рабинович и повернулся к криминалисту. – Что сидишь? Хватай какое-нибудь блюдо.

И, подавая Андрюше пример, кинолог сцапал первый же попавшийся под руку золотой кубок. Слегка взвесив посудину в руке, Сеня подбросил ее в воздух и ударил по кубку дубинкой. Металлический снаряд со свистом умчался вперед.

Дэвы явно ничего о супероружии российских милиционеров не знали. Развернувшись в цепочку, они не спеша пошли вперед, стараясь охватить полукругом всю еще недавно пировавшую компанию. На Сенин маневр демоны смотрели с ухмылкой. Дескать, потешься, дитятко, пока еще возможность есть! Впрочем, ухмылки эти на лицах местных блюстителей тишины, спокойствия и сохранности частной собственности продержались недолго. Ровно до того момента, пока выпущенный кинологом снаряд не врезался в грудь того дэва, который едва не отправил Жомова в нокаут. Удар был такой силы, что демона, уже лишившегося попугая, просто вынесло прочь из зала в открытую дверь. Там он и остался.

Андрюша, пусть и с небольшим опозданием, почин киногола поддержал, отправив в сторону врага большой под-

нос, в недавнем времени занятый фруктами. Первый блин вышел комом. Вместо того чтобы вывести из строя одного из дэвов, поднос разнес мраморную колонну, засыпав местных патрульных пылью и каменной крошкой. Ну а прежде чем Сеня с Андреем успели сделать по второй подаче, к ним присоединился Жомов. Вот только тройной залп успеха не принес. Сделав пассы руками, дэвы окутались серебристым, слегка мерцающим сиянием, и пущенные российскими милиционерами снаряды просто отскочили от них, как теннисные мячики от стенки.

– Энергозащита, – заявил Ахтармерз. – Отойдите, ребята. Дайте я попробую.

Закрутившись на месте, Горыныч сплел все свои три головы в эдакую гротескную косу и, уронив их по направлению к демонам, выпустил тонкий луч розового цвета. Луч уперся прямо в грудь одного из дэвов. Энергетическая защита демона распалась с легким хрустальным звоном. Трое ментов, только и ждавших этого момента, тут же дали залп, и демон впечатало в стену. Несколько мгновений он представлял собой отличный барельеф, а затем растворился в воздухе голубым дымком.

– Есть. Первый дежурство закончил. Теперь пару дней из своей пещеры в Моне вылезать не будет, – рассмеялся Лориэль. – Ну-ка, давайте следующего домой отправьте!

Но дэвы уже доказали, что повторно один и тот же трюк с ними не проходит. Сделав еще пару пассов, они уплотнили

энергозащиту и стали увеличиваться в размерах до тех пор, пока не достали макушками потолка. Горыныч пытался пробить брешь в обороне еще одного, но едва выпущенный им луч коснулся груди демона, как Ахтармерз пискнул и беспомощно упал на стол, раскинув крылья в разные стороны.

– Это же энерговампиры, – проверещал он. – Они меня до дна опустошили. Теперь и за час восстановиться не смогу.

– Ничего. Отдыхай. Ты свое дело сделал, – приободрил его Сеня. – А ну, мужики, дадим этим чучелам жару!

Жар «чучелам» явно не требовался. Как, впрочем, и холод, повышенная влажность, загрязнение воздуха и мороженое с клубникой. Несмотря на то что троица ментов устроила в зале настоящий ад, круша своими метательными снарядами колонны, пробивая бреши в стенах и увеча отделанный мраморной плиткой пол, нанести урона дэвам не удавалось. Те с широкими ухмылками не торопясь приближались, явно наслаждаясь своей неуязвимостью. Наконец Попов не выдержал. Бросив дубинку на пол, он заявил:

– Все, больше руками махать не могу. Пусть теперь с этими дэвами черти разбираются!

Едва Андрюша закончил фразу, как невесть откуда появились три здоровенных дьявола в золотых цепочках, с платиновыми перстнями на пальцах и драгоценными камнями на рогах. Застыв перед приближающимися к ментам дэвами, двое бесов стали разминать кулаки, а третий, широко расставив пальцы, заявил:

– Так, что тут за разборки? Типа, вы крутыми себя, что ли, считаете? Может быть, выйдем и перебазарим по-пацановски? Или у вас очко играет?

– Это еще что за чучела такие? – оторопев, поинтересовался один из дэвов.

– Ты, ка-азел, кого чучелом назвал, в натуре? – изумился дьявол. – Ребята, мочите их!

То, что потом началось, передать невозможно. Просто потому, что и передавать нечего. Три здоровенных беса бросились на трех громадных дэвов, и вся шестерка бойцов потустороннего фронта куда-то исчезла. Менты, изумленно наблюдавшие за этой короткой сценой, облегченно вздохнули, и Рабинович повернулся к Попову.

– Андрюха, всегда бы так! – улыбнулся он. – Хоть что-то твой язык полезное сделал, а то вечно что-нибудь ляпнешь, хоть святых выноси...

– Ну и что вы натворили? – перебивая его, пропищал Лоризель. – Я вас как людей отдохнуть в чужой дом позвал, а что вы наделали? – Эльф обвел полуразрушенный зал руками. – Что я хозяину теперь скажу, а, мать вашу?..

– Пригонишь бригаду молдаван, они тебе все за неделю восстановят, – хмыкнул кинолог.

– Ага! После ваших молдаван тут и то, что осталось, привести в божеский вид не удастся. Блин, опять придется к гномам на поклон идти, – горестно вздохнул Лоризель. – Ладно, сам виноват. Нужно было знать, кого в приличные места

приглашать следует. Все! Погуляли и хватит. Сматываемся отсюда, пока Брахма усиленный наряд дэвов не прислал.

Взвившись под потолок, эльф взмахнул волшебной палочкой. Менты зажмурили глаза, ожидая мгновенной потери сознания, но ничего не произошло. Несколько секунд путешественники стояли неподвижно, а затем глаза пришлось открыть. Хотя бы для того, чтобы выяснить, отчего Лориэль так яростно матерится.

– В чем дело? – поинтересовался у эльфа Рабинович.

– «В чем дело, в чем дело»! – передразнил его эльф. – Не могу нас отсюда вытащить. Палочка работает, а вот выбрать-ся из этого мира не могу. Словно кто-то меня блокирует.

– Так я и думал, – заявил кинолог, опускаясь на низкий диван. – Говорил же, что этот эльф какую-нибудь пакость подстроит. Ну и что делать дальше будем?..

Глава 3

*Сейчас разберемся, кто из нас крайний!
Мышка во время дележа репки*

– Лориэлюшка, лапочка, ты лучше скажи, блин, что все это шутка! – вкрадчиво проговорил Жомов, поглаживая кобуру.

– Шутка?! Ну ни хрена себе у вас шуточки, – осклабился маленький нахал, обводя руками разгромленный зал. – Мне, что ли, вас учить, козлы, мать вашу, что за такие шуточки бывает? Да вам как минимум лет семь на гномьих рудниках светит, не считая конфискации имущества...

– Лориэль, тебе не про это говорят, – одернул его Попов. – Ты лучше прекращай ломаться. У нас все-таки два пистолета. От одной пули увернешься, вторая точно достанет.

– Ну так стреляйте! Стреляйте. Голос правды все равно не удушите! – завопил эльф, распахивая на груди зеленый камзолчик. – Чего ждете? Убейте меня, жандармы. Лучше сдохнуть, чем с вами дело иметь, волки позорные!..

– Ну что, так его застрелить? – задумчиво поинтересовался Жомов у друзей.

– А может быть, Лориэль и вправду не виноват? – несмело предположил Ахтармерз. Две крайние головы дружно кивнули, соглашаясь с центральной. – Может быть, что-то стран-

ное случилось из-за нас или по какой другой причине? Мы как-то в первом классе проходили азы этики и психологии эльфийской цивилизации. Так вот, если применить к Лориэлю теорию Браммелькара-Тартахвана...

— Я к нему дубинку лучше применю, — оборвал трехглавого всезнайку омоновец. — И тебе достанется, если будешь за антиобщественные элементы заступаться. Выпорю и не посмотрю, что ребенок. Трехголовый...

По тому выражению, с которым Ваня произнес последнее слово, понять, отягчающее вину это обстоятельство или, наоборот, смягчающее ответственность, было сложно. Вот каждый и уразумел все по-своему. Большинство присутствующих внимания на интонацию не обратили, а Ахтармерз обиделся. Принявшись вопить что-то по поводу расовой, межвидовой и возрастной дискриминации, Горыныч стал стремительно увеличиваться в размерах, и Шакьямуни за просто мог остаться совсем без дворца, не успокой Попов вовремя разгневанного третьеклассника.

Единственным существом, совершенно не обратившим внимания на все эти вопли и суматоху, грозившую новыми разрушениями, оказался Лориэль. Зависнув под потолком, перепончатокрылый фокусник занялся изучением собственной волшебной палочки, служащей скорее катализатором его магических сил, чем самодостаточным волшебным предметом. Чего только не делал с ней маленький эльф. Он и гнул его, и ломал его, и...

Впрочем, это из другой оперы, но суть была той же. И самое интересное, что кроме меня манипуляций Лориэля никто не заметил.

Я тоже недолго занимался созерцанием расправы маленького крылатого инквизитора над волшебной палочкой. Собственно говоря, и обратил я на это внимание только потому, что пытался понять степень вины Лориэля в новой беде. Не знаю, что там у Ахтармерза за теория Браммелькара-Тартахвана, но мне, с моей тонкой интуицией, и так было ясно, что эльф не врет. Интуиция подсказывала, что маленький дебошир и сам не понимает, что же такое случилось. И поверьте, она меня еще ни разу не обманывала.

Конечно, среди людей найдутся скептики, которые скажут, что предчувствия ровным счетом ничего не стоят. Это потому, что они давно погрязли в благах цивилизации и потеряли связь с природой. В хорошей дискуссии я мог бы разгромить таких умников, но, во-первых, разговора с ними, да и с любыми другими двуногими из класса приматов, у меня не выйдет. А во-вторых, не люблю я с идиотами спорить. Просто напомним – я уже говорил, что ничего хорошего от продолжения банкета в параллельном мире не ожидаю. И теперь моя интуиция продолжала настаивать на том, что самое худшее еще впереди.

Итак, разобидевшегося Горыныча Попову утихомирить-таки удалось. Правда, сил для этого нашему эксперту немало пришлось потратить. Долгое время ничего у Андрю-

ши не получалось, и только когда он пообещал Ахтармерзу колыбельную спеть, трехглавый керогаз так перепугался, что уменьшился в размерах даже ниже своего стандарта.

– Ничего не получается! – привлек к себе внимание Лориэль, плюхаясь на кучу фруктов, чудом уцелевших во время погрома. – Тролль бы побрал этих проклятых техников. Говорила мне мама, что по старинке лучше, так ведь нет! Нужно было этому придурочному Оберону, покусай его гоблин, приказом эти палочки для обязательного пользования ввести!

– Так что, это из-за твоей палки мы здесь застряли? – поинтересовался Ваня. – Умница ты наш! А хочешь, я тебе свою дубинку дам? Попробуй ею поколдовать. Иногда, знаешь, она многие желания помогает исполнять.

– В пасть себе эту дубинку засунь, чтобы оттуда мерзости всякие не лезли! – взорвался маленький нахал. – Был бы у тебя жезл гаишника, я бы еще подумал. А этим поленом резиновым только в... в носу, короче, ковыряться.

– Чего ты психуешь? Я же пошутил, – хмыкнул омоновец.

– В КПЗ шутить будешь, когда с тобой эки заигрывать начнут! – рывкнул Лориэль.

– Так! Ну-ка, уймись оба, – осадил «шутников» мой хозяин. – Так что, Лориэль, с волшебной палочкой что-то случилось?

– Не знаю, – буркнул тот, пытаясь укунить персик. – Не пойму, в чем дело. Сейчас проверил, и получается, что я

почти полностью своих способностей лишен. Так, кое-какие мелкие чудеса могу сотворить, а что-нибудь серьезное – ни хрена. Даже связь с кем-нибудь из ФСБ, кто здесь, в этой вселенной, изредка задания выполняет, наладить не удастся. А уж про переходы между мирами и говорить нечего.

– А что, наша ФСБ и тут уже вовсю шурует? – удивленно поинтересовался Жомов.

Сказал бы я ему все, что думаю о его мыслительных способностях, да это за меня Сеня сделал.

– Голова с печное чело, а мозгу совсем ничего! – констатировал Рабинович. – Ваня, если память пропил, свои умные замечания при себе оставь. У эльфов ФСБ расшифровывается, как Феи Служат Быдлу. На лбу себе это вырубь. И кучу других вещей. Глядишь, по утрам, когда умываться будешь, читать начнешь и кое-что запомнишь.

– Так если я все на лбу вырублю, то буквы слишком мелкие выйдут. Прочитать все равно не получится, – ответил омоновец.

Мой хозяин застонал.

– Это он пошутил, – подсказал Попов и укоризненно посмотрел на Жомова. – Вань, ты бы, серьезно, помолчал, если дельного предложить не можешь.

– Ну и хрен с вами! – обиделся Иван. – Я обстановку разрядить пытаюсь, а они тут куннилингус устроили.

– Кого устроили?! – разом повернулись к нему все прочие участники диспута.

– Куннилингус, – удивленно посмотрел на друзей омоновец. – Что, не знаете? Это же когда много ученых врачей у постели больного диагноз ставят.

Вот тут уж заржали все. Попов скатился со своего лежака и принялся кувыркаться по полу, издавая такие звуки, которым бы позавидовал и индийский слон, страдающий хронической икотой. Мой хозяин забился в конвульсиях, достойных профессионального эпилептика. Эльф в приступе хохота так открыл рот, что едва целиком не проглотил персик, отгрызть кусок от которого ему никак не удавалось. И лишь один Ахтармерз брезгливо смотрел на смеющихся. Да и то только оттого, что его расе смех в частности и чувство юмора вообще чужды и непонятны. По крайней мере, видеть, как шутил Горыныч, мне ни разу не удавалось.

– Вы чего ржете, уроды?! – не выдержал омоновец.

– Ваня, то, что делают врачи у постели больного, называется консилиум, – с трудом переводя дыхание, пояснил мой Сеня. – Куннилингус – это немного из другой оперы. Хотя, если говорить о наших государственных больницах, консилиумы можно называть и так.

– А что такое куннилингус? – поинтересовался Ваня.

– У Ленки у своей спроси. Может быть, она хоть чуть-чуть тебя поумнее, – предложил Рабинович.

– Ты мою Ленку не трожь! – рявкнул омоновец.

– А ну-ка, успокоились оба! – неожиданно обнаружил в себе командные способности Попов и, не давая возможности

Сене с Жомовым прийти в себя от удивления, сменил тему: – Лориэль, а что могло тебя твоих способностей лишить?

– Скорее всего, как я уже говорил, это то, что он когда-то сделал, – подал голос Ахтармерз. Все повернулись к нему. – Вспомните, наш уважаемый эльф недавно говорил, что его за что-то отстранили от работы. Может быть, причина в этом?

– Вы посмотрите, какой умный ребенок! – восхитился мой хозяин и посмотрел на Лориэля. – А Горыныч может быть прав. Колись, перепончатокрылый, чего ты напортачил?

Несколько минут эльф мялся и ломался, словно одноразовая тарелка, а затем-таки рассказал, за что впал в немилость. Оказалось, начальство дало Лориэлю довольно простое задание. В одной из параллельных вселенных китайский ученый, фамилию которого я прослушал, никак не мог изобрести порох. То есть не просто не мог, а даже не пытался. Он, видите ли, на старости лет влюбился в дочку императора и вместо того, чтобы изобретать полезные вещи, взялся за выпуск механических соловьев, самодвижущихся мартышек и прочих прелестей, способных покорить девичье сердце.

Вся мировая цивилизация встала на путь, ведущий к катастрофе, а ученый и в ус не дул. Ситуацию нужно было срочно исправлять. Лориэлю дали два года местного времени на то, чтобы наставить старца на путь истинный. Маленький пройдоха посчитал, что два года – достаточно большой промежуток времени. Ну а поскольку он в тот момент пребывал в отличном настроении, то решил пошутить и подсунул китайцу

учебник по химии для девятого класса. На русском языке! Решив посмотреть, что станет со старцем после изучения загадочной книги, Лориэль смотался в кабаk в своем измерении, а когда вернулся, в подотчетной ему вселенной прошло около года.

Я, конечно, не ученый и в тонкости наук никогда не погружался, но что-то сильно сомневаюсь, что кто-либо способен сделать открытие, лишь рассматривая таблицу Менделеева. По крайней мере, если бы мне сунули ее под нос, не объяснив предварительно, что это такое, я бы даже палку-копалку с помощью этой таблицы не изобрел. Лориэль тоже так думал. Однако он ошибался!

Когда эльф вернулся в Китай, ожидая увидеть, что ученый либо выбросил книгу, либо целый год ломает над ней голову, забыв про все на свете, его ждал настоящий шок. Старичок преспокойно сидел за письменным столом и разрисовывал листки бумаги всевозможными формулами. А в его лаборатории подопечные испытывали на пленных иприт, взрывали гранитные глыбы динамитом и строили бамбуковую «ка-тюшу». Сам же ученый вплотную подходил к изобретению атомной бомбы.

Лориэль, ясное дело, ошалел и попытался устранить последствия своей шутки. Оказалось, что сделать это не так-то просто. Сколько ни старался маленький шутник, в одиночку справиться с этой задачей он не мог. Пришлось Лориэлю доложить по инстанциям и вызывать группу поддержки. К

счастью, ученый не спешил публиковать все свои открытия, и с последствиями эльфийской шуточки справиться удалось. Правда, не до конца. Они все-таки дали о себе знать в разных мирах. У нас, например, развлечение Лориэля привело к тому, что началась самая длительная война между Китаем и Японией. Ну и еще кое-что. Всего я не запомнил. В общем, маленький юморист, что называется, попал!

– Вот меня и отстранили от исполнения обязанностей вплоть до того момента, пока эксперты не вынесут окончательную оценку по этому делу, – закончил свой рассказ эльф. – Только не виноват я, и все тут! Не мог этот ученый что-либо понять из вашего учебника. Ему точно помогли. И я даже догадываюсь, кто именно. Вот, собирался с вами отдохнуть, бедами своими поделиться, а затем начать самостоятельное следствие по этому делу. И на тебе! Завис в этом измерении.

– Короче, влип. И мы вместе с тобой, – фыркнул Рабинович. – По-моему, вполне достаточное доказательство твоей безалаберности.

– Хотелось бы верить, что ты прав. Тогда нас отсюда сумеют вытащить, – обнадежил всех Лориэль. – Лет через сто.

– Нет уж, пусть лучше Рабинович ошибается, – торопливо заявил Попов. – Я сто лет не могу тут ждать. У меня скоро барбусы нереститься будут. Самочку отсаживать надо, – и осекся. – Сто лет?! Да столько не живут!!!

– Смотря кто, – с ехидной улыбкой констатировал эльф. –

Мне, например, четыреста. И это еще даже не средний возраст.

– А у меня маме шестьсот, и все говорят, что она очень молодо выглядит, – дополнил Ахтармерз.

– Так, ну вы, может быть, сто лет и подождете. А вот нас такие сроки абсолютно не устраивают, – встрял в разговор мой хозяин. – Давайте лучше решим, что делать будем и как отсюда выбираться.

– Никак! – отрезал Лориэль. – По крайней мере, мне способ неизвестен.

Обычно после таких фраз всякие писатели говорят, что в комнате повисла гнетущая тишина. У нас ничего не висело! Во-первых, полуразрушенный зал комнатой нельзя было назвать. А во-вторых, после случая в Мезоамерике тишина в тех помещениях, где находились мы, висеть категорически отказывалась. Вместо нее в зал приперся аборигенский оркестр и принялся играть «Прощание славянки». Песня оказалась настолько в тему, что Жомов пинками выгнал музыкантов из зала, а вместе с ними и тех танцовщиц, что попытались под звуки российского марша танцевать па-де-де на мраморных обломках.

– Лориэль, а не ты ли говорил, что в каждой вселенной есть постоянные врата МП-переходов, которыми знающий человек легко может воспользоваться? – встрепенувшись после «Прощания славянки», проговорил Рабинович. – Ты же сможешь использовать эти врата, чтобы отправить всех по

своим мирам?

– Смочь-то я смогу. Вопрос в другом: где эти врата най-ти? – Эльф тоже встрепнулся, почувствовав надежду. – Не потеряй я своих способностей, мог бы легко обнаружить примерное местоположение МП-перехода. А сейчас даже не знаю, в каком из миров этой самодостаточной системы нужно эти врата искать.

– А может быть, кто-то из местных богов сможет нам помочь? – предположил Ахтармерз.

– Может быть, кто-то и сможет, – задумчиво протянул Лориэль.

– Я тебе сейчас помогу! – неожиданно раздался голос из пролома в стене, раньше именуемого дверью.

На нас этот голос произвел эффект разорвавшейся бомбы. И не потому, что был неприятным. Напротив, он был весьма музыкальным, даже несмотря на грозные нотки, и явно принадлежал женщине. Причем, скорее всего, красивой. По человеческим меркам, разумеется!..

Впрочем, с утверждением о красоте обладательницы голоса я явно поторопился. Хотя, если кому-то нравятся шести-рукие полные волоокие индианки, то вошедшая была именно в их вкусе.

– Кали? – оторопел Лориэль.

Честное слово, первый раз я увидел его таким удивленным и растерянным. Что, Впрочем, вполне понятно. Не так-то приятно предстать перед грозной богиней, не имея воз-

возможности вовремя смыться в другое измерение.

– Конечно. А кто же еще? – проворковала она. Правда, в голосе богини нежность совсем не ощущалась.

– Лориэль, ты начинаешь всех нервировать, – продолжила рукастая дамочка, выходя из тени и не сводя взгляда с нашего эльфа. – В прошлом столетии ты стравил двух асуров, после чего из-за их драки вся Меру полгода тряслась. Тридцать лет назад ты убедил Брахму в том, что Шива его чмырем обзывал. Оба чуть вселенную не уничтожили. Десять лет назад ты облил какой-то свехвонючей гадостью дворец Чатурмахараджи и этим заставил Дхритараштру, Вирудхаку, Вирупакшу и Вайшравана бомжевать почти месяц. Около двух лет назад ты пустил слух, что родился Майтрея, и из-за паломников администрация пару недель была полностью парализована. А теперь, значит, разгромил дворец Шакьямуни и неизвестно куда зашвырнул пятерых дэвов. А ведь они были на хорошем счету. Тебе говорили, что добром твои проделки не кончатся?

– Так ведь отпуска для того и существуют, чтобы хорошенько развлечься, – скромно потупил очи эльф.

– Ты смотри, а я и не знал, что Лориэль такой свойский парень! – услышав перечень проделок маленького бандита, восхитился омоновец.

И лишь теперь Кали заметила всех нас. Может быть, она обратила бы внимание на нашу компанию и раньше, но до этого все оно было сконцентрировано на Лориэле. Вот уж

не знаю, к добру это или к худу, но я предпочел бы, чтобы грозная богиня нас вообще не замечала. Впрочем, мои предпочтения никого, как обычно, не интересовали. Да и поздно было о них заявлять. Кали в упор смотрела на троицу российских милиционеров, расположившихся рядом друг с другом. Я приготовился к чему угодно, но того, что случилось дальше, и моя хваленая интуиция не предвидела: Кали застыла, как громом пораженная.

— Это что за мачо? — протяжным голосом поинтересовалась она.

— Я не мачо. Я Жомов. И у меня жена есть, между прочим, — тут же заявил омоновец. Кали смирила его недовольным взглядом.

— Молодой человек, я не с вами разговариваю, — проговорила она. — Лоризель, кто этот мачо?!

Ну, все! Мой Сеня попал. Нет, я, конечно, знаю, насколько Рабинович падок на женский пол, но что-то сильно сомневаюсь, что его пристрастия распространяются и на шестируких дамочек. Хотя, если рассматривать только техническую сторону данной проблемы, то девушки с шестью конечностями имеют вполне ощутимое преимущество перед двурукими. Сеня, может быть, тебе стоит попробовать?

— Мурзик, фу! — осадил меня Рабинович. Ну не может он не показать всему свету, кто в нашей паре альфа-лидер.

— Извините, Кали, но, боюсь, вы слишком хорошего мнения обо мне, — повернувшись к богине, продолжил мой хо-

зьяин. – Я, конечно, не профан и не урод, но...

– Юноша, а вы почему лезете не в свое дело? – оборвала его Кали, и тут, честное слово, оторопели все. Ну не Горыныча же она мачо назвала! Все взгляды устремились на Попова. Тот покраснел.

– Я... э-э, мне... То есть... – промямлил Андрей.

– Это ваше имя? – кокетливо поинтересовалась Кали.

– Да. То есть нет... М-м-м... – совсем потерялся криминалист.

– Я тоже люблю коров, – довольная произведенным эффектом, проворковала шестирукая богиня. Ой, что-то я сомневаюсь, что она Андриюшину реакцию правильно истолковала! – Правда, по-моему, их голоса звучат несколько иначе. Му-у-у! Не так ли, мой незнакомый друг?

Попова эта шаловливость тона Кали окончательно добила. Есть такое выражение: «провалиться сквозь землю». И если когда-либо где-нибудь существовал человек, к которому это выражение идеально подходило, то этим человеком был Андриюша Попов. Сейчас. Сию секунду! Криминалист, расстреливаемый взглядами со всех сторон, действительно был готов провалиться сквозь землю. И от невозможности осуществить данное желание так вспотел, что фирменный китель стал мокрым за считанные секунды.

– Так как тебя зовут, красавчик? – дала очередной залп Кали.

– Его зовут Андреем. Он не из этого мира, – поспешил на

выручку криминалисту Лориэль.

– Это я и так вижу. Иначе давно бы его заприметила, – проговорила богиня, не сводя с Попова томных глаз. – Но, может быть, он сам мне все расскажет?

– Ты, Кали, не обижайся на него. Он просто страшно польщен твоим вниманием и потому очень растерян. Дай время, и он придет в себя, – заверил шестирукую красотку маленький эльф.

– Я дам время, – улыбнулась Кали и повернулась к Лориэлю. Попов почувствовал несказанное облегчение. – В первую очередь, маленький бандит, я дам его тебе. У тебя есть неделя на то, чтобы исправить последствия этого безобразия. Ты должен восстановить дворец Шакьямуни и вернуть пропавших дэвов. До этого момента ты не сможешь никуда исчезнуть. Это я гарантирую. Ну а если через неделю порядок не будет наведен, ты понесешь заслуженное наказание. Я все сказала! – и улыбнулась Попову. – Жди. Скоро увидимся, красавчик!..

– Вот, оказывается, как просто все объяснялось, – задумчиво проговорил мой Сеня, глядя вслед удаляющейся Кали. – А мы Лориэля крайним считали.

– И не так уж были не правы, – дополнил фразу Попов. Эльф почему-то даже внимания на нее не обратил!..

Не знаю, многие ли из вас общались с эльфами, но лично для меня лицезреть представителя этого народа задумчивым и растерянным – все равно что застать кота, играюще-

го на пианино «Собачий вальс». Вид несчастного Лориэля настолько меня поразил, что я даже забыл пасть закрыть и застыл, словно молодой кобель перед первым спариванием. Хорошо, что никто из знакомых меня в таком состоянии не видел. А то потом бы облаивали на каждом углу и хвосты презрительно задирали.

Мои менты, как обычно, особой наблюдательностью не отличались и, погрузившись в обдумывание собственноручно созданной проблемы, на растерянность Лориэля внимания не обратили. Я этому не удивился. Наглого эльфа замечали обычно только тогда, когда он очередную пакость нам делал или хотя бы голос подавал. А тут – сами накуролесили, самым и разгрести все нужно. Вот только лично я совершенно не представлял, как мы с новой бедой справляться будем.

Допустим, дворец Шакьямуни мы восстановить еще могли бы, но вот где искать дэвов, невесть куда утащенных вызванной Поповым нечистой силой, я представить не мог. То есть, скорее всего, дэвы с бесами разборки в какой-нибудь вселенной, похожей на наш ад, устраивают. Но как туда попасть, не имея возможности отлучиться из этого мира, я не представлял. Думаю, что и мои товарищи по несчастью тоже.

– Слушай, Лориэль, а разве такое может быть, чтобы боги чужого мира вас магической силы лишали? – неожиданно поинтересовался наш эксперт-криминалист.

– Не знаю, – пожал плечами эльф. – Прецеденты, конечно,

были, но их всегда считали скорее исключением, подтверждающим правило, чем непреложным фактом.

– А я думаю, что всему виной алкоголь, – подал голос наш мудрейший третьеклассник. – Согласно исследованиям Трынкфузера, алкогольное отравление искажает структуру аурических силовых линий, излучаемых любым существом. В редких случаях отравленная особь получает возможность использовать скрытые паранормальные способности, но чаще всего алкоголь ослабляет псионические, ментальные и прочие...

– А попроще можно? – бессовестно прервал Жомов рассуждения юного трехглавого мага-недоучки.

– Ой, мамочка, как же тяжело общаться с гуманоидами, – простонал Ахтармерз, но снизошел до более доступных объяснений: – Проще говоря, если бы Лориэль был трезв, когда ему нанесли магический удар, он бы успел это заметить и заблокировать атаку. Из-за опьянения его чувства притупились, он проспал момент воздействия на себя и, как следствие, оказался лишен большей части собственного могущества. Теперь он под действием заклятия, и разрушить его сможет лишь тот, кто наложил эти чары.

– То есть нужно пойти к Кали, бухнуться ей в ноги и просить снять с Лориэля волшебство? – предположил мой Сеня.

– Бесполезно! – махнул рукой маленький эльф. – Знаю я эту стерву. Если она себе что в голову вбила, и троллевой булавой это оттуда не вышибешь.

– Так у нас же Попов есть, – фыркнул мой хозяин. – Пойдет к Кали, состроит ей глазки, и дело в шляпе.

– Знаешь что, Рабинович, а не пойти ли тебе в Африку, бананы грызть? – покраснел криминалист.

– С удовольствием, – осклабился Сеня. – Я и предлагал в Африку отправиться. Это тебе, между прочим, в Индию захотелось.

– Мне?! – возмутился Попов и хотел дополнить свою речь соображениями по поводу умственных способностей моего хозяина, да Жомов не позволил.

– Так, блин, хватить грызться друг с другом, – осадил он обоих спорщиков. – Давайте лучше думать, что теперь делать будем?..

Предложений было немного. Если быть совсем точным, то три, не считая высказанного ранее пожелания моего хозяина по поводу возможного альянса Попова и Кали. Первое заключалось в том, чтобы отрывать богине по очереди все руки и ноги, пока она не согласится снять заклятие. И сопровождалось это предложение комментарием в духе «Платон мне друг, но истина дороже» – «Она хоть и почти женщина, но домой вернуться надо!». Думаю, объяснять, кто выдвинул это предложение, нет необходимости. А ответом было единогласное «нет», поскольку в нашей компании не нашлось дурака, рискнувшего бы сразиться с Кали без поддержки Лоризля, лишившегося магических способностей.

Второе предложение было куда более прозаическим и за-

ключало в себе полное удовлетворение требований богини. Выдвинул его Лориэль, и в ответ на вопрос Попова, где мы найдем дэвов, эльф лишь ехидно улыбнулся и развел руками. Дескать, сами куда-то местных стражей порядка засунули, сами их и доставайте. Ни радости, ни поддержки такой вариант дальнейшего развития событий у участников собрания не вызвал. А вот повторное предложение моего хозяина всем пришлось по вкусу.

– Слушай, Лориэль, а у тебя есть в этой вселенной друзья? – неожиданно поинтересовался Рабинович.

– Нет. И не было никогда, – не задумываясь, ответил перепончатокрылый враг общества. – Нам, эльфам, всегда трудно найти друзей вне круга себе подобных. Слишком сложно иным существам понимать, что нами движет и чего мы хотим.

– А как же Шакьямуни? – удивился Попов. – Ты же вроде говорил Брахме, что он твой друг.

– Ага, друг! – фыркнул Лориэль. – Должен он мне много за одно дельце. Вот и стал «другом».

– Понятно, – кивнул головой мой Сеня. Ну, еще бы! Ему да и непонятно бы было. – А у Кали враги есть?

– Наверное, – пожал плечами эльф. – Я не слишком вдавался в подробности отношений между местными богами.

– Слушай, Сеня, я что-то, блин, не пойму, при чем тут враги, друзья? – встрял в разговор омоновец. – Мы же не убийство расследуем!

– Убийство, – отрезал мой хозяин. – Убийство способностей Лориэля и наших надежд вернуться домой. И вообще, помолчи и послушай, если у самого тыковка не фурычит!

– Ты пытаешься найти того, кто мог бы нам помочь разобратся с Кали и ее закланием? – предположил прозревший криминалист.

– Именно! – кивнул головой Рабинович. – Так что, Лориэль, есть у Кали враги?

– Хм, интересная идея, – в ответ на свои собственные мысли, пробормотал маленький наглец, а затем встрепенулся. – Найдём! А если врагов и нет, мы их сделаем.

О том, что каждый эльф с молодых ногтей учится проведению диверсионно-подрывной работы в любых условиях, мы уже как-то слышали. А недавняя встреча Кали позволила убедиться в том, что наш маленький партизан отлично умеет «отдыхать», сглаживая между собой аборигенов и их богов. Короче, в том, что Лориэль быстренько сможет найти и организовать пару-тройку недоброжелателей для Кали, сомневаться не приходилось. Оставалось только надеяться, что старая или новая вражда между здешними богами позволит нам как-то надавить на взбалмошную богиню и добиться отмены приговора.

Мои менты, выработав наконец хоть какой-то план действий, приободрились и всячески выражали желание поскорей решить проблему. Ахтармерз тоже расцвел и, предчувствуя, что его магические способности могут в ближай-

шее время понадобится, принялся восстанавливать внутреннюю энергию, пожирая всякий хлам, начиная от недоеденной оленины и кончая гранитной крошкой на закуску и парочкой крупных пауков, не вовремя заглянувших через пролом в стене, любопытствуя, нет ли во дворце новых охотничьих угодий.

Лично же мне кусок в горло не лез – я думал о том, что мы собираемся сделать. Конечно, Сенин план найти врагов Кали и заставить их помочь нам выглядел достаточно разумным решением проблемы с возвращением домой, но именно эта разумность и казалась мне абсолютно неразумной. Простите за тавтологию!

Не понимаете?... Да все просто! Я уже несколько раз объяснял, что все параллельные миры Всеобщей Вселенной тесно связаны между собой. То, что делается в одном мире, непременно находит свое отражение в других, искажаясь и ослабевая по мере прохождения энергии, вызванной поступком, по цепочке вселенных. И это относится ко всему! Сорви ты цветок на лужайке, раздави букашку или убей Кеннеди, последствия этого ощутят все миры. Естественно, вызывая различные степени возмущения реальной для этих вселенных действительности.

Достаточно сказать, что с самого начала наших путешествий по параллельным пространствам мы только и делали, что исправляли последствия собственных поступков. Прямо или косвенно, но именно мы были виноваты в том, что на

наши головы сваливались приключения одно за другим. И вот теперь, уже наломав гору дров, мои доблестные сослуживцы собирались набедокурить еще больше. Все-таки я не думаю, что, стравив Кали с каким-нибудь другим местным богом, мы создадим раздражение Всеобщей Вселенной, не превышающее последствий от сорванного цветка. Или уже разрушенного дворца Шакьямуни.

В общем, идея с развязыванием войны между индийскими богами мне очень не нравилась! Разумней было бы выполнить требование Кали и убраться отсюда подобру-поздорову. Еще умней было не являться вовсе в этот мир, но, поскольку последнее исправить возможности не было, с этим приходилось смириться. А вот о том, чтобы не наделать новых бед, следовало побеспокоиться. И единственной причиной, почему я даже не попытался противиться моим коллегам в осуществлении их плана, была абсолютная невозможность выполнить требования Кали. И теперь мне оставалось только надеяться, что у хозяина и прочих членов нашей команды хватит разума, чтобы не устроить здесь, в буддистской вселенной, новый конец света.

Сборы много времени не заняли. В первую очередь, дабы усыпить бдительность Кали в случае ее внезапного визита в разгромленный дворец, слуги получили приказ начать генеральную уборку мусора и сбор строительного материала для восстановления изувеченного здания. Лоризель распоряжался аборигенами, словно был у себя дома, и ему подчинялись

беспрекословно, как второму хозяину. Что, возможно, так и было. По поводу тяжести долга Шакьямуни маленький стяжатель ничего нам говорить не стал.

Пока Лориэль распоряжался, мой Сеня, как всегда, проявил чудеса предусмотрительности, вполне прозрачно намекнув эльфа, что не мешало бы взять с собой какую-нибудь местную валюту, дабы было чем оплачивать дорожные расходы. Лориэль сначала посмотрел на Рабиновича так, будто совершенно не понимал, о чем тот говорит, а затем хлопнул себя по лбу и рассмеялся.

– Ну да! Я же забыл, что я теперь тоже пешеход, – проговорил эльф и махнул рукой куда-то в глубь дворца. – Там сокровищница. Прикажи любому слуге, он тебя проводит. Возьмешь столько, сколько нужно. Да, на дверях магическая ловушка. Скажешь: «Менты – козлы!», и она откроется. Только пароль не забудь. А то так током шандарахнет, полгода заикаться будешь.

– Я вот тебя сейчас за «козлов» так шандарахну, что ты на всю жизнь это слово забудешь, да и половину других, с ним хоть как-то связанных, – буркнул обиженный Сеня, но, вместо того чтобы выполнить свою угрозу, кликнул слугу и пошел вслед за ним в сокровищницу.

Естественно, исследовать сокровищницу Шакьямуни моему Рабиновичу было куда интересней, чем устраивать провалы в памяти оборзевшего эльфа. Тем более что данный представитель древнейшей расы разумных существ во Все-

общей Вселенной мог нам еще пригодиться. Ну и Сеню, несомненно, привлекла фраза «возьми сколько нужно», потому как давала почти неограниченный простор его фантазии.

Я так думаю, что мой хозяин рассчитывал на сопротивление слуг при попытке получения им «сколько нужной» суммы на дорожные расходы. Наверное, он даже настроился на долгое и упорное сопротивление хранителя кладовой Шакьямуни, но, судя по тому, с какими глазами Сеня вернулся назад, планы его не оправдались. Вытаращив буркалы и шлепая губами, как рыба, вытщенная на берег, мой Рабинович отказался давать друзьям какие бы то ни было комментарии по поводу экскурсии в сокровищницу, но, судя по набитой чем-то тяжелым котомке, Рабиновичу явно сказали: «Приходите еще!» А такая преступная расточительность любого еврея из колеи надолго выбить способна. Хорошо, что у моего Сени железные, по-настоящему милицейские нервы. Иначе стало бы в местной психушке на одного Креза больше.

В общем, мой хозяин был в шоке и некоторое время не мог не только нормально разговаривать, но даже замечать, что происходит вокруг. Жомов, которого хлебом не корми, только дай кого-нибудь погонять, настолько увлекся организацией труда слуг по восстановлению дворца, что тоже мало на что обращал внимание. Горыныч, как я уже говорил, жрал в три глотки, позабыв обо всем на свете, а Попов что-то задумчиво чертил на полу. Будь я не в своем уме, решил бы,

что криминалист влюбился. Но поскольку я был, пожалуй, единственным из всей компании, кто находился в здравом уме и трезвой памяти, то просто считал своим долгом присматривать за всем вокруг, готовый предупредить рассеянных друзей о малейшей опасности. И она пришла. Причем, как и положено, именно оттуда, откуда ее никто не ждал!

Честное слово, я отвернулся лишь на секунду. Просто сидел у шикарного персидского ковра, каким-то чудом оставшегося на стене после разгрома, и мне показалось, что по этому мохнатому гобелену к моей корме подкрадывается полчище голодных блох. Как я «люблю» этих насекомых, вы знаете прекрасно. Поэтому ничего удивительного в том, что я резко подпрыгнул и, обернувшись, внимательно изучил поверхность ковра. Блох не было! Я облегченно вздохнул, но на всякий случай решил отодвинуться от ковра подальше. И вот, когда я перемещался, случилось непредвиденное.

ХЛО-ОП!!!

Я даже взвизгнул от неожиданности, а затем зашелся в гневном лае. Пусть и не приличествует благородному псу так повышать свой голос, но я просто не смог сдержать гнева и возмущения, охвативших меня после того, как я увидел, что наш драгоценный Лориэль исчез. Смотался, бросив нас, самым наглым образом! Первым на это отреагировал мой Сенья.

– Мурзик, фу! – завопил он, решив поработать альфа-лидером, а затем замер. – Мужики, атас! Лориэль смылся!!!

Как ни трудно было в это поверить, но факт оставался фактом. И сколько бы Андрюша Попов ни шарил глазами по потолку, надеясь отыскать маленького предателя, запутавшегося где-нибудь в паутине, сделать этого криминалист не смог. Как не смог удовлетворить жажду мести Ваня. Сейчас он уже жалел, что не дал моему хозяину пришибить Лориэля, и сам бы с радостью продырявил его из пистолета, вот только мечтам этим не суждено было осуществиться «ввиду отсутствия наличия состава преступления», как любит говорить старший лейтенант Матрешкин.

Эльфам я, конечно, никогда не верил и всегда настороженно относился к словам и поступкам Лориэля, но такой подлости не ожидал даже от него. И ведь как удивительно правдоподобно он врал нам, рассказывая об утраченных способностях! Он и меня, с моей хваленной интуицией, обмануть смог, не говоря уже об остальных. И я удивился тому, как это Лориэлю удалось. Может быть, чары какие на меня навел этот мухрен крылатый, чтоб его блохи в осаду взяли? Ау! Люди-и! Лишнего амулетика от эльфов ни у кого не найдется?..

– Помолчал бы ты лучше, Мурзик! И без тебя тошно, – отмахнулся от меня Сеня, как всегда, неверно истолковав мои слова. – Ну что, кто там говорил, что у меня паранойя? Кто утверждал, что Лориэль просто отдохнуть и развлечься хочет?.. Что молчите, уроды?

– Ну, прав ты был, а мы зря этому козлу поверили, –

шмыгнув носом, пробормотал Иван. – Кто же знал, что он такую подлость устроит, блин?

– А когда это эльфы нам подлости не делали? – взвился мой хозяин. – Раз за разом вас, дураков, учат, а вы по-прежнему готовы уши развесить и верить всему, что они вам говорят.

– Ты тоже хорош гусь! – решил перейти в контратаку омоновец. – «Тащи нас куда-нибудь, только чтобы выпивка была хорошая и девочки красивые!» Сам ничуть не меньше нас виноват.

– Во-во! – поддержал Ваню Попов. – Не фиг на нас все стрелки переводить.

– Ты чего разговорился, бурдюк с салом?! – оторопел Рабинович. – Забыл, сколько раз нас в переделки впутывал, хотящее недоразумение?

– Ничуть не меньше тебя, говорящий кошелек, – съязвил криминалист.

– Граждане милиционеры, может быть, вместо того чтобы устраивать здесь детсадовские разборки, стоит подумать, как нам из этой забытой богом вселенной выбираться? – встрял в спор Ахтармерз и, увидев три удивленных взора, направленных на себя, потупился. – Я, конечно, понимаю, что для гуманоидов куда важнее найти крайнего, чем попытаться решить проблему, но я все-таки тоже вместе с вами оказался в ловушке, и мне бы хотелось...

– Помолчать бы тебе хотелось, – оборвал его мой Сеня.

– Ага! – поддакнул Ваня. – А еще раз нас гуманоидами назовешь, я тебе все три черепушки морским узлом завяжу. Посмотрим потом, как ты с перетянутой глоткой болтать сможешь.

Горыныч, сделав вид, что обиделся, фыркнул в сторону омовца небольшой струйкой пламени и, прежде чем Ваня успел применить к нему стандартные меры пресечения, спрятался под стол. Жомов недовольно крикнул, но ловить трехглавого поджигателя не стал. Вместо этого он уселся на диван и так внимательно посмотрел на Рабиновича, словно мой Сеня был телевизором, по которому вот-вот должен был начаться экстренный выпуск новостей. Мой хозяин поморщился.

– И что ты уставился? – недовольно спросил он омовца.

– Жду, когда ты что-нибудь мудрое изречешь, – ответил Ваня. Попов фыркнул и издал противный смешок.

– А ты чего веселишься? – повернулся к нему мой хозяин.

– Так не плакать же! – пожал плечами криминалист. – В конце концов, ничего страшного в той ситуации, в которой мы оказались, нет. Одним приключением больше, одним меньше, разницы никакой.

– Ну да. Тогда, наверное, для тебя без разницы, останется у тебя голова на плечах или ее Кали открутит, – предположил Рабинович, и Андрюша покраснел. – Ладно, Горыныч в одном прав: нам не стоит ругаться. Давайте пока подумаем, что можно сделать. А этому барану перепончатокрылому я

точно все, что можно, поотрываю...

ХЛО-ОП!!!

– Что ты мне отрывать собрался, свисток иудейский? – пропищал Лориэль, внезапно появляясь над головой Рабиновича.

– Все! – ответил мой хозяин и, мгновенно отцепив дубинку от пояса, попытался прихлопнуть ею маленького наглеца.

Как я и ожидал, Лориэль увернулся. Реакция у эльфа была настолько великолепной, что и мне не удавалось его поймать, даже в тех случаях, когда он прямо у моей пасти пролетал. Однако способности Лориэля никогда не отвращали моих друзей от попыток изловить его. Вот и сейчас, увидев, что Лориэль занят тем, что уворачивается от ударов Сениной дубинки и ни на что больше внимания не обращает, Попов решил его прибить каким-то глиняным горшком.

Зря старался! Лориэль, почувствовав движение воздуха у себя за спиной, резко нырнул вниз. Сеня, естественно, упустить отличную возможность достать эльфа не мог, изо всех сил рубанул дубинкой и словно бейсбольной битой влил по брошенному Андрюшей горшку. Слава Полкану, что криминалисту под руки не медный таз попался! Потому как медный таз мой хозяин разбить бы не смог, и омовцу в лоб попал бы не глиняный черепок от расколотого горшка, а металлическая емкость. И сейчас мы, может быть, уже оплакивали бы безвременную кончину лучшего друга.

– Рабин, Поп, да вы охренели оба? – оторопело поинтере-

совался Жомов, до этого момента увлеченно наблюдавший за Сениной охотой на эльфа.

Ни криминалист, ни мой хозяин на Ванину реплику внимания не обратили. Вдохновленные случайным совпадением «демократизатора» с горшком, оба, не сговариваясь, придумали новый способ покушения на жизнь Лориэля: Попов принялся подбрасывать разные предметы, а Рабинович, стучая по ним дубинкой, пытался сбить этими снарядами маленького ухмыляющегося наглеца. Со второй попытки они почти попали... омововцу в нос, сбив каким-то расплюснутым бокалом с него форменную кепку.

– Все. Вы меня достали! – рявкнул Ваня и, выхватив из кобуры пистолет, выстрелил в потолок. – А ну, прекратить безобразия!

Я, конечно, сильно сомневался, что Жомов примется палить из табельного оружия по сослуживцам, но предупредительный выстрел эффект возымел. Все трое хулиганов, включая и Лориэля, застыли на месте, как громом пораженные. Сеня с Поповым оторопело уставились на омововца, а маленький нахал показал им язык и юркнул за широкую спину Ивана.

– Ты что, Жом, офонарел совсем? – удивился мой хозяин, и тут раздался громовой стук копыт. Скользя по мраморному полу, в разрушенный банкетный зал влетела корова. Та самая. Но только без седла.

– Мама, ты меня звала? – поинтересовалось животное,

юзом затормозив посреди руин. – Та-ак, – протянула корова, задумчиво осматривая всю нашу компанию. – Мамы тут нет. Одни менты. И чего я сюда приперлась? – Почесав задним правым копытом за ухом, парнокопытное чудо развернулось и, вихляя задом, ушло прочь.

– По-моему, эта ходячая отбивная просится на сковородку, – глядя ей вслед, задумчиво проговорил мой хозяин.

Корова сунула морду в пролом в стене.

– А телятину тут не едят. Грех, – заявила она.

– А мы, поди, не местные, – заявил ей Попов. – А потому едим.

– Ну и дураки, – отрезала корова, однако поспешила убраться подальше.

– Нет, это, конечно, было весело, – привлек к себе внимание Лориэль, а затем завопил дурным голосом: – Но какого хрена вы меня убить пытались? А, козлы, мать вашу?

– А какого хрена ты нам наврал?! – в тон ему рявкнул мой хозяин.

– Я наврал? – возмутился эльф. – Это какого хрена ты на меня поклеп возводишь?

– А какого бы хрена вам обоим не заткнуться? – поддержал весьма содержательный диалог омоводец.

Дальше беседа пошла в несколько более цивилизованном тоне.

По крайней мере, огородное растение не вспоминали, хотя от матерных выражений никто и не думал отказать-

ся. Орать стали потише, и дворцовой прислуге, чтобы удовлетворить ненасытное любопытство, пришлось подобраться поближе к проломам.

Естественно, приводить полностью содержание разговора моих ментов с Лориэлем по этическим соображениям я не буду. Те из вас, кто хочет поближе познакомиться с великим и могучим русским матерным языком, могут обратиться к специализированной литературе или взять консультации у водопроводчика Пупкина. Остальным скажу, что проблема с исчезновением Лориэля решилась очень быстро. После получасового обмена матерными словами наконец выяснилось, что эльф нас не обманывал.

Как я уже говорил, вселенная, где процветает мир индусских богов, состоит из множества небольших структур, нанизанных на гору Мару. Все они взаимопроникаемы, но проходы между ними открыты только для высших существ. Лориэль, не сумевший вытащить нас из этого измерения, решил проверить, сможет ли он легко перемещаться внутри индийского конгломерата миров. Оказалось, что может. Но не легко! Магические силы маленького эльфа оказались столь слабы после заклания Кали, что в день Лориэль мог совершить только два прыжка. Причем последний стоил ему массы сил и слишком большого, по эльфийским меркам, периода подготовки к броску.

В общем, наши разногласия благополучно разрешились, и эльф вернул себе утраченные очки доверия... Хотя если эти

очки принадлежали доверию, то почему Лориэль вернул их себе? И вообще, ни разу не замечал, чтобы наш эльф страдал близорукостью. Зачем ему очки, спрашивается?.. Но это я так, отвлекся. Философские размышления, так сказать. Так о чем я?.. Ах, да!

– Ну так что будем делать? – в конце диспута спросил Лориэля мой хозяин.

– Сегодня продолжим отдых, – пожал плечами маленький дебошир. – А завтра займемся делом. Есть у меня тут один тип на примете, который сможет нам помочь.

Глава 4

*Разделяй и властвуй!
Безвестный рубщик мяса*

«Вот, блин, совсем не помню, чем вчера все закончилось!» – подумал Сеня Рабинович после того, как смог наконец открыть глаза, сесть и осмотреться.

К удивлению кинолога, за ночь во дворце Шакьямуни произошли разительные изменения. Или они происходили уже вчера вечером, во время попойки? Вспомнить этого Сеня не мог, но с удовлетворением отметил, что весь мусор из пиршественной залы был выметен, полы натерты до блеска, а те колонны, которм удалось уцелеть, уже не выглядели осколками былого величия, а имели вполне приличный вид.

Останков вчерашнего пиршества на столах тоже не наблюдалось, из чего Рабинович сделал вывод: либо слуги у Шакьямуни абсолютно бесшумны, либо вчера менты слишком надрались, чтобы их можно было разбудить чем-то тише пушечного выстрела под ухом. Проанализировав собственное состояние, Сеня склонился ко второму варианту и, застонав, повертел головой в поисках какого-нибудь сосуда с жидкостью.

Оных нашлось целых четыре штуки. Глубокие серебряные плошки, похожие на пиалы, стояли на столе. Сеня потя-

нулся к одной и недоверчиво осмотрел и обнюхал содержимое. Пахло фруктами, ягодами и травами, и несколько фруктов плавало на поверхности. Решив, что это местный компот, Рабинович пригубил содержимое, оценил вкус и затем от души приложился к сосуду. Позади раздался ехидный смешок. Сеня, не переставая пить, обернулся.

– Вообще-то это жидкость для умывания. Вон и полотенце под каждой пиалой лежит, – пояснил Лориэль. Сеня выплюнул в чашу то, что успел набрать в рот, и отодвинул ее от себя так, будто это было помойное ведро. Эльф опять захихикал.

– Что ты ржешь, как сивый мерин? – недовольно проворчал кинолог. – Откуда же я знал, что у них тут в тазиках умываются?

– Пить вчера меньше нужно было, – ехидно посоветовал эльф. – Сегодня бы от жажды не помирал.

– Поучи ученого, – буркнул Сеня и поднялся на ноги. – А где Жомов?

– Зарядку убежал делать. Вот уж поистине бронебойный мужик! – хмыкнул Лориэль. – Завтрак подавать, или ты тоже пару кругов вокруг замка нарезать решил?

– Кто сказал про завтрак? – раздался с дивана несчастный голос Попова. – Убью, если еще кто-то о еде заговорит до того, как опохмелиться мне дадут.

– Никакого опохмелья не будет, – отрезал Сеня и, не желая слушать стенания криминалиста, вышел из зала.

К удивлению Рабиновича, омовца не оказалось не только у бассейна, но и вообще во дворе. Решив выяснить, куда делся Ваня, кинолог пошел вокруг дворца, морщась от солнца и потирая руками виски. Может быть, в другое время Сеня с любопытством осмотрел бы архитектуру дворца Шакьямуни и удивительно ухоженный сад вокруг него, но сейчас страдающему с похмелья Рабиновичу было не до красот окружающей местности. Он уже пожалел, что вообще куда-то пошел, и собирался повернуть обратно, но в этот момент увидел Жомова. Омоновец стоял у двери и, подняв на вытянутых руках аборигена, тряс его как грушу.

– Сволочь, я тебе сказал, что мне нужно похмелиться, а ты мне что принес? – рычал Иван. Растерянный индеец только невнятно мычал в ответ.

– Доброе утро, Ваня. Развлекаешься? – ехидно поинтересовался Рабинович. Жомов от неожиданности подпрыгнул и выронил из рук аборигена. Тот тут же с невероятной скоростью уполз в открытую дверь.

– Зарядку делаю, – шмыгнув носом, ответил омоновец. – Гирь у них не оказалось, вот и попросил мужика грузом поработать.

– Угу, – кивнул головой Сеня. – Так чего он тебе там для опохмела принес?

– Ну-у, я же знал, что ты никому похмелиться не дашь. Вот и решил потихоньку немножко голову поправить, – вздохнул Иван. – А этот гад посмотри что мне приволок.

Жомов поднял с земли сосуд, похожий на те емкости с жидкостью для мытья рук, которая сегодня утром служила для утоления жажды криминалиста. Сеня задумчиво посмотрел внутрь. То, что там оказалось, вином, естественно, не было. Коричневатого цвета жидкость, в которой плавали кусочки каких-то фруктов, сверху была украшена сырым яйцом. Все это и выглядело так отвратительно, и пахло слишком резко, что Рабиновичу, в принципе, стал понятен гнев омовца. Надеюсь выпить вина, получить такую гадость! Да любой страдающий с похмелья за такое издевательство убил бы и фамилией не поинтересовался!

– Нехорошо, Ваня, – вздохнул Рабинович.

– Сам знаю, что плохо, – кивнул головой Жомов. – Вот потому и дал пару оплеух этому барану.

– Я говорю, плохо тайком от друзей напиться пытаться, – перебил его кинолог. – Вот из-за этого ты и пострадал.

Пристыженный омовец молчал. Сеня усмехнулся.

– Ладно, разрешу я вам похмелиться, – проговорил он. – Только по одному бокалу вина. Не больше!

– А можно, я бокалы сам выберу? – обрадованно попросил Ваня. Если бы у Рабиновича так не болела голова, он бы расхохотался.

– Пошли обратно, спортсмен, а то Попов тоже сейчас на такое похмельное зелье нарвется, – хмыкнул кинолог и направился обратно, в банкетный зал.

Попов оказался стойким оловянным солдатиком. И хотя

он сидел на диване, присосавшись к горлышку кувшина, подозрения Рабиновича, метнувшегося к Андрею, как коршун на добычу, не оправдались: в сосуде было не вино, а обычный виноградный сок.

– Ты чего из рук-то рвешь? – возмутился криминалист. – Пить хочешь, так слуг попроси, они принесут.

– Нет, он уже сегодня напился, – ехидно пропищал Лориэль. – От души и досыта!

– Поговори мне еще, – оборвал его кинолог, которому очень не хотелось, чтобы друзья узнали, что именно он сегодня пил. – Крылья повыщипываю.

– Видали мы таких щипунов, – презрительно фыркнул эльф. – Так у всех крылья выщипывали, что сами без растительности на теле остались.

– Может быть, собачиться будете после того, как мы похмелимся? – встрял в диалог омовец. – Вас послушаешь, блин, и башка сильнее трещать начинает.

– А я всегда говорил, что употреблять алкогольные напитки вредно, – подал голос Ахтармерз Гварнарытус. – Я, конечно, понимаю, что вам, когда вы пьете, хорошо, весело и все такое. Но неужели вас не отпугивают те последствия, какие бывают после каждой вашей попойки? Я думаю, любое разумное, по-настоящему разумное существо никогда бы не согласилось терпеть такие муки ради минутного удовольствия...

– Так, шкет малолетний, ты мне тут жену решил заменить,

что ли? — оборвал его Ваня. — Мне Ленкиных нотаций по утрам хватает, чтобы я еще тут тебя выслушивал. Молчи, пока я добрый. А то хвост задеру и высеку как сидорову козу.

Горыныч обиделся и попытался раздуться, но заработал легкий шлепок от Вани и успокоился, решив не обращать внимание на всяких полудиких гуманоидов омоновского типа. Жомов же, вполне удовлетворенный тем, что никто не читает нотаций, не мешает опохмеляться и не заставляет сдавать кросс в таком жутком состоянии, успокоился и на всяких ящеровидных трехглавых малолеток реагировать перестал.

Если бы Сеня позволил, трехлитровый кувшин вина, что подали к столу, омоновец бы осушил один и не поморщился. А так пришлось Ване довольствоваться одним поллитровым бокалом. Пока Жомов, выпив содержимое своей чашки, вздыхал, косясь на Рабиновича с Поповым, смакующих вино, к столу подали завтрак, и у Андрюши проснулся аппетит. Собственно говоря, этот зверь внутри Попова почти никогда и не спал. И даже утром, отрекаясь от еды, криминалист больше давил на жалость Рабиновича, чем действительно испытывал отвращение к пище. Андрюша с удовольствием съел все, что было на столе, и попросил добавки.

Удовольствие добавки не попросило. Для него и предыдущей дозы было много! Оно пыталось было присоседиться к омоновцу, допивавшему второй бокал вина, но Ваня решил, что ему и самому мало, поэтому удовольствие прогнал и вы-

пил вино просто так. Без удовольствия. Но со вкусом. Без вкуса Ваня пить не мог, поскольку тогда путал бы алкоголь с водой и не знал, в какой момент нужно начинать пьянеть.

К концу завтрака менты разомлели. Головные боли прошли, однако у некоторых индивидуумов вдруг появилось желание продолжить банкет. Эти индивидуумы, точнее, индивидуум с надписью «ОМОН» на кителе, вертел в руках пустой бокал, умоляюще глядя на Рабиновича. Но тот остался непоколебим и напиться никому позволять не собирался. Вместо этого Сеня встал из-за стола.

– Так, позавтракали, теперь пора и делами заняться, – проговорил он. – Лориэль, что ты вчера говорил про типа, который может нам помочь?

– Это Шива, – ответил эльф. – У него вечные проблемы с Кали.

– А с Малдером у него проблем нет? – съязвил Попов, к которому после вина и плотного завтрака вернулось хорошее настроение.

– А почему у шизы должны быть проблемы с Малдером? – удивился омоновец. – И вообще, зачем нам шиза? Лориэля, что ли, не хватает?

Рабинович застонал.

– Дурак на дураке едет и дураком погоняет, – проговорил он. – Поп, ты свои приколы будешь аквариумным рыбкам рассказывать. А ты, Жом, уши прочисть! Не шиза, а Шива. Бог тут такой есть, если я ничего не путаю.

– Не путаешь, – кивнул эльф, решив пока оставить без внимания замечание Жомова относительно того, кого ему не хватает. – Шива враждует с Брахмой, и они уже не раз сталкивались, пытаясь поделить верховную власть. Кали вроде бы сохраняет нейтралитет, но чаще помогает Брахме, чем кому бы то ни было еще. Думаю, что Шива ее недолюбливает и не откажется помочь нам оставить богиню в дураках. Или – в дурах, кому как больше нравится.

– Она Попову больше всех нравится, – съязвил кинолог и, увидев физиономию Андрея, поднял вверх руки. – Все-все, Андрюха, молчу. У каждого свои вкусы. И если тебе нравится Кали, больше высказываться по этому поводу не буду.

– Дурак ты, и уши у тебя холодные, – буркнул криминалист и махнул рукой. Дескать, лень мне с тобой спорить, а то бы сейчас тебе только обтекать бы и осталось.

Хотя Лориэль и довольно часто навещался в этот мир для отдыха, но в местной политической ситуации разбирался весьма поверхностно и многого об отношениях между богами рассказать не мог. Добавить к тому, что он уже сказал о Шиве, эльфу было практически нечего, да российским милиционерам личное дело этого индусского бога и не требовалось. Им вполне достаточно было знать, что он недруг Кали. А, как говорится, враг моего врага – мой друг. Сеня лишь полюбопытствовал, как они до Шивы доберутся, а больше его ничего пока не интересовало.

Лориэль не без ехидства заметил, что вчера говорил о

своей возможности перемещаться между местными вселенными. И, дескать, если для кого-то это недостаточный аргумент, то он может попытаться добраться до Шивы на своих двоих. Делать этого, естественно, никто не захотел, и Лориэль заявил, что готов отправиться в путь в любой момент, как только менты будут готовы.

Как известно, нищему собраться – только подпоясаться. Ментам и подпоясываться не нужно было. Следовало только для страховки взять на руки Мурзика и Ахтармерза, и можно было совершать прыжок. Правда, Сеня – тоже для страховки! – прихватил с собой и котомку со средствами на дорожные расходы, но этому почему-то никто не удивился. Ну а пока Рабинович проверял ее содержимое, Лориэль дал последние наставления управляющему дворцом и был готов к прыжку.

Видимо, пространственные прыжки внутри отдельного мира не так сильно сказывались на психике людей, как переходы в параллельные вселенные. Во всяком случае, сознания при скачке в резиденцию Шивы никто из путешественников не потерял. Зато потеряли саму резиденцию, поскольку в том месте, куда доставил ментов Лориэль, ничего, кроме джунглей, не было. Тропка, правда, еще была, но ведь тропинка и дворец – две разные вещи, друг с другом совершенно несхожие. Об этом Рабинович ехидно и уведомил эльфа.

– А то я без длинноклювых этого не знаю, – огрызнулся Лориэль. – Ничего не понимаю! Два года назад дворец Шивы

именно в этом месте был. Куда он мог подеваться?

– Может быть, это у тебя из головы что-то подевалось? – предположил омоновец. – Шарик или ролик, например. Или не подевались? Просто друг за друга заехали?

– Ты что, охренел, бык педальный? Ты на кого батон крошишь? По сопатке давно не получал? – взвился маленький дебошир, зависая перед самым жомовским носом. – Так я сейчас такое удовольствие тебе быстро организую.

– Ой, боюсь-боюсь! – скорчил физиономию омоновец. – Хватит кулаками тут махать. Давай лучше разбирайся, куда нас в этот раз затащил.

– Слушайте, а может быть, у Лориэля после заклинания Кали настройки координат сбились? – предположил Ахтармерз. – Такое иногда бывает. Вот я помню, на занятиях по спортивному ориентированию один мой одноклассник стукнулся о валун всеми тремя головами. Так он потом целую неделю дорогу домой не мог вспомнить. Еле нашли его с корбартыхрами...

– Я сейчас тебя о валун всеми тремя головами стукну! – возмутился эльф. – Какие настройки координат сбились? Как бы я тогда, трехдурья твоя башка, назад во дворец Ша-кьямуни вернулся после того, как свои способности проверил? Говорю тебе, резиденция Шивы тут была!

– Правильно говорит уважаемый маленький летун, хотя я и не вижу, что это за птица, – раздался из кустов голос с прононсом, а вслед за голосом на тропинку выбрался индий-

ский слон. Похлопав ушами, он картинно поклонился путешественникам. – Здравствуйте, дорогие друзья, хоть я и не пойму, что вы за люди. Ты, ящерка, здравствуй, и ты, собачка, тоже. – Мурзик угрожающе зарычал. – Ну, не здравствуй, как хочешь.

– Лориэль, что за беспредел такой? – повернулся к эльфу Рабинович. – Тут что, все животные разговаривают?

– Не все, уважаемый друг, хотя я и не знаю твоего имени, – прогудел слон, опередив ответ маленького экскурсовода. – В недавнем прошлом я был преданным слугой Шивы, но он случайно меня убил. Моя душа вселилась в слона, хоть это и не слишком удобно, а Шива, раскаявшись, но не имея возможности исправить карму, наделил меня даром речи, хотя мне почти не с кем разговаривать.

– Ладно. Хорошо. Так что ты, как там тебя зовут, говорил о дворце Шивы? – махнул рукой Рабинович.

– Слон, – ответил ему бывший преданный слуга Шивы.

– Что «слон»? – оторопел кинолог.

– Все зовут меня Слон, – последовал ответ. – Как меня звали раньше, я не помню, хоть это и печально, но мне очень нравится имя Дакша, хотя и не знаю почему.

– Ладно, Дакша, так что там с дворцом случилось? – повторил свой вопрос Рабинович.

– После того как Шива убил меня, он возненавидел это место, хоть я и не пойму, при чем тут оно, – прогудел слон. – Бог-разрушитель стер дворец в порошок, хоть я и не пойму,

зачем такие траты, а затем возвел для себя новое жилище в другом конце этого мира, хоть я и не знаю, чем то место лучше. Шива строил свой дворец шесть дней и ночей, потому что слышал, будто кто-то так создавал вселенную, хотя и не знаю, где он такой ереси нахватался. Затем бог-разрушитель...

– Так, давай оставим историю на потом, – оборвал его Сенья. – Ты можешь нам объяснить, где находится новый дворец?

– Я могу вас даже туда проводить, хотя и не пойму, почему мне хочется вам помочь, – прогундосил Дакша.

– Спасибо, мы как-нибудь сами, – отказался Рабинович. – Ты объясни, а Лориэль...

– Ничего не выйдет, – оборвал его эльф и пояснил: – Без точных координат я бросок совершить не смогу. Можем материализоваться где-нибудь внутри скалы или еще где похуже.

– Нет уж, спасибо, – отказался кинолог и посмотрел на слона. – Ну что же, веди нас, Сусанин Иван.

– Мне больше нравится зваться Дакшей, хотя я и не пойму, чем Сусанин Иван хуже, – прогудел слон. – А чтобы вы сослепу не растоптал, забирайтесь ко мне на спину. Мне не тяжело, да и двигаться будем быстрее, хоть я все-таки и не гоночный болид.

Предложение Дакши было принято путешественниками «на ура». Исключение составил только Попов, вспомнивший

об антипатии, которую питали к нему все парнокопытные. Однако никто из присутствующих сказать, является ли парнокопытным слон и, вообще, копытный ли он, не мог. Сам Дакша ответа на поповский вопрос не дал, заявив, что подошвы ног своих он не видел и совершенно не знает, как с научной точки зрения называется нижняя часть его ног. Пришлось криминалисту покориться неизвестности и взобраться на спину животного с неизвестной анатомией конечностей. А вот Мурзика, как Сеня ни старался, загнать на спину слону не удалось. Пес наотрез отказался путешествовать таким образом, предпочтя поездке прогулку на своих двоих... Четверых то есть!

Уже через полчаса после начала путешествия на спине Дакши Сеня начал догадываться, за что его мог в прошлой жизни убить Шива. Слон оказался жутко болтливым созданием, и никакие уговоры, никакие меры воздействия не могли заставить его замолчать. Дакша оказался настолько разговорчив, что сумел вывести из себя даже омовца, обычно не раздражавшегося от чужой болтовни. Размахивая перед глазами слона пистолетом, Ваня заявил, что пристрелит ушастого говоруна, если тот не заткнется.

– Из такой маленькой штучки меня не пристрелить, хоть я и не пойму, зачем вам это понадобилось, – заявил в ответ Дакша, скосив глаза на Ванино табельное оружие. – Даже у Шивы, а он понимает толк в убийствах, магический жезл большего размера. Поэтому давайте не будем говорить

о смерти, хотя я и не пойму, что в ней страшного.

Ментам после такого заявления осталось только сдаться и терпеливо сносить болтовню слона, изголодавшегося по умным беседам. Впрочем, умными рассказы Дакши назвать было очень трудно. По большей части слон рассказывал о том, как он был человеком, что делал, как служил Шиве и насколько велик был его прежний господин. Еще Дакша жаловался на то, что, видимо, слишком мягок был в прошлой жизни, потому и вселилась душа не в тигра, грозу и хозяина джунглей, а в слона. И тут же поправлялся, что слоном быть лучше, чем, скажем, баобабом. У последнего даже рта нет, и ни с кем поговорить он не может. С чем менты после первого часа поездки оказались в корне не согласны. В тот момент им казалось, что любой молчаливый баобаб куда лучше болтливого слона.

До полудня Дакша не замолкал ни на минуту, лишь изредка прерываясь для того, чтобы услышать вопрос Горыныча, решившего пополнить свой багаж знаний сведениями о жизни и быте индийских богов. Так сказать, в качестве факультативных занятий. Менты ему не мешали. Хотя бы потому, что, когда говорил Горыныч, Дакша молчал, и в эти краткие мгновения путешественники чувствовали себя почти на вершине блаженства.

Ближе к полудню Жомов попросил Дакшу остановиться. Отобрав у недоумевающего Попова ремень, омоводец слез со слоновьей спины и ремнем притянул нижнюю челюсть

Дакши к хоботу. Слон не сопротивлялся, глядя на Ваню грустными глазами, и спокойно продолжил путь, едва омолодец забрался к нему на спину. Однако болтать он не перестал! Правда, вместо связных слов из пасти Дакши теперь вырывалось лишь невнятное, но зато непрерывное мычание. Пару минут послушав этот гул, Ваня не выдержал и, решив, что уж лучше пусть слон болтает, чем мычит, развязал ремень и вернул амуницию Попову.

– Спасибо. Так действительно намного лучше разговаривать, – поблагодарил Ваню Дакша. – Хотя я и не понимаю, зачем вам нужно было связывать мне рот, но если вам мои слова так будут понятнее, то можете повесить ремень назад.

– Нет уж, мы тебя и так пойдем, – заверил слона Рабинович.

Когда солнце оказалось в зените, путешественники вдруг поняли, что золото и драгоценные камни в пути бесполезны, поскольку ни съесть, ни выпить их нельзя. Изнуренный Попов попросил Дакшу доставить их к ближайшему трактиру, но выяснилось, что слон даже слова такого не знает. А после того, как криминалист ему объяснил, что подразумевается под словом «трактир», Дакша заявил, что таких заведений здесь, в мире, где живет Шива, не существует. Тут все пьют и едят дома. В крайнем случае в качестве влаги используют воду из ручья, а в пищу употребляют дичь или фрукты с деревьев.

– Ну так привези нас к какому-нибудь ручью и фруктово-

му дереву, – потребовал криминалист.

Дакша просьбу исполнил и, поведя хоботом из стороны в сторону, решительно свернул с тропинки в гущу джунглей. Поначалу слон забыл, что те ветки, которые хлещут его по спине, не причиняя боли, могут запросто убить людей. Ему об этом факте дружно напомнили, и Дакша, дабы не лишиться собеседников, принялся ломать хоботом ветки и молодые деревца, расчищая себе путь. Примерно через полчаса протаптывания новой дороги слон вышел на берег небольшой речки. Он хоботом указал путешественникам на воду и на несколько апельсиновых деревьев, росших неподалеку, и заявил, что, пока люди едят, он искупается. За что тут же получил по ушам.

– Сначала мы напьемся, а потом ты будешь в речке воду мутить. Все ясно? – поинтересовался Сеня.

– Как скажете, хотя я и не пойму, чем мутная вода хуже чистой, – махнул ушами слон и стал ждать, пока люди напьются.

Люди не только напились хрустально чистой, ломающей зубы воды, но и умылись, пытаясь хоть как-то отогнать от себя жару. Горыныч, которому высокая температура была чрезвычайно приятна, посмеивался над ментами, а затем начал ловить и лопать насекомых, которых в прибрежной траве было очень много. Попов, на минуту пожалев, что не является всеядным подобно Горынычу, побрел к апельсиновым деревьям, но дойти до них не успел. Навстречу ему из подлеска

на небольшую поляну вышел волк. За ним еще один, и еще... Дальше продолжайте до нужного вам количества. Попов застыл. Волки тоже.

– Маугли? – глядя на криминалиста, спросил первый волк.

– Очки надень! – рявкнул на него второй. – Сколько раз тебе говорить, что если врач чего присоветовал, это надо выполнять.

Первый волк достал откуда-то из-под брюха очки и неуклюже нацепил их на нос. Попов ошарашенно наблюдал за всеми этими манипуляциями.

– Нет, ни фига это не Маугли, – констатировал первый волк. – Но ведь не Балу же это?

– Акела, ты совсем из ума выжил, – заявил второй. – Это человеческий детеныш. Правда, что-то он крупноват. Может быть, стоит его съесть?

– Это ты совсем из ума выжил, Серый, – осадил его Акела. – Мы не едим человеческих детенышей. Мы – свободное племя.

Все путешественники, за исключением слона, с упоением плещущегося в реке, с удивлением наблюдали за этим диалогом. Попов не шевелился, судорожно сжимая в руках резиновую дубинку, а Жомов с Рабиновичем достали пистолеты, приготовившись стрелять, в случае необходимости, на поражение. Мурзик, скаля зубы, подошел к криминалисту, а Горыныч прекратил пожирать насекомых и, распаляя себя,

стал выпускать небольшие язычки пламени. Однако после заявления Акелы все немного успокоились, и тут из кустов вышел огромный тигр в сопровождении шакала.

– Человеческий детеныш мой, – прорычал тигр. – Отдайте его мне!

– Свободу Юрию Деточкину!.. То есть отдайте детеныша Шерхану, – взвизгнул шакал.

– А, в натуре, зачем нам человеческий детеныш? – вякнули несколько волков. – Отдадим его, да и дело с концом.

– Вы что, одурели? – поинтересовался Акела, снимая очки. – Мы свободное племя и не будем слушать какую-то паленую кошку. И потом, – волк кивнул головой в сторону Сени и омовца, – будут стрелять по мне, а зацепят вас.

– Белый... То есть, Акела, мы с первого класса вместе. И за все, что мы делаем, отвечать будем тоже вместе, – заявил ему второй волк, щелкая зубами, и неизвестно, чем бы все закончилось, не вылезли Дакша из воды.

– Вы что тут, с ума сошли все? – меланхолично поинтересовался он, подходя к стае. – Мало того, что сказку про Маугли по второму кругу решили прокрутить, так еще и из российского сериала монологов понадергали. А ну, брысь все отсюда, пока я не разозлился. Хотя я и не знаю, почему я до сих пор такой терпеливый.

– Ой, блин, и покуражиться нельзя, – обиделся Шерхан, первым ныряя в кусты.

– Акела промахнулся, Акела промахнулся! – завопил ша-

кал.

– Придурок, он никуда и не прыгал, – осадил его Серый.

– Да? Ну и ладно, – согласился Табаки и вслед за тигром помчался в кусты. – Акела никуда и не прыгал, Акела никуда и не прыгал!..

– Да-а, весело у вас тут живется, – констатировал Попов, глядя вслед исчезающим волкам.

– Не обращайтесь внимания. Это еще ерунда, – помахал ушами слон. – Вот когда они в лицах сказку про Красную Шапочку пытаются разыграть, тут хоть святых выноси, хотя я и не знаю, чем вынос святых этим остолопам поможет.

Почему-то после знакомства с сумасшедшими волками есть Попову абсолютно расхотелось. Более того, с тех самых пор вид апельсинов начал вызывать у криминалиста стойкое раздражение, тошноту и позывы обратиться в психбольницу. Дабы не расстраивать последним свою маму, Андрюша зарекся впредь находиться в тех местах, где апельсины могут оказаться, и все фруктовые лотки на базарах обходил стороной. Но это позже. А пока он просто вернулся на берег реки к поджидавшим его друзьям.

– Покушал? – ехидно поинтересовался Рабинович.

– Сам дурак, – ответил Попов, прислушиваясь к урчанию живота. – Чем зубы скалить, лучше бы поохотились на кого-нибудь.

– Патроны надо беречь, – отрезал Жомов и, любовно протерев пистолет, убрал его в кобуру.

На тропу путешественники вернулись той же дорогой, какой и спускались к реке. Дальше путешествие продолжилось без происшествий, и его можно было бы назвать приятным, если бы к болтовне Дакши не добавились жалобы Попова и урчание его живота. Все это вместе взятое оказывало на Рабиновича с омовцем крайне негативное впечатление, и их терпение уже подходило к концу, но тут выяснилось, что путешественники прибыли к месту назначения. Дакша едва не уткнулся головой в каменную стену, уходящую во все стороны от тропинки. За ограду вела маленькая калитка, в которую Дакша при всем своем желании протиснуться бы не мог. И этот факт чрезвычайно обрадовал путешественников.

– Вот мы и прибыли, хотя не могу сказать, что я рад окончанию путешествия, – прогундосил слон. – Шива живет здесь. И если он вас не примет или разгневается на вас, скажите, что я вас прислал, и он смягчится. Обычно он добрей, чем кажется, хотя я бы держался подальше от его доброты.

– Спасибо за совет, – поблагодарил его Рабинович. – И счастливо оставаться. Приятно было познакомиться.

– Мне тоже, хотя я не думаю, что мы прощаемся навсегда, – ответил Дакша. – Пути кармы неисповедимы.

– Может быть, может быть, – пробормотал Сеня и попытался открыть калитку, но та не поддавалась.

– Ах, да! Я и забыл, что она всегда заперта, – вздохнул слон. – Отойдите в сторону, пожалуйста.

Подождав, пока менты расступятся, Дакша повернулся к

калитке своей необъятной кормой и что есть силы пнул металлическую дверь. Вместе с куском стены та влетела внутрь двора, открывая людям проход. Слон еще раз попрощался и, сказав, что на всякий случай подождет их здесь, принялся обрывать хоботом листву. На Сенино «спасибо, не надо» Дакша никак не отреагировал, а путешественники, испытав облегчение от того, что слон наконец перестал болтать, вошли внутрь владений Шивы.

К удивлению российских милиционеров, прямо за стеной оказался настоящий плац. Слева и справа от него располагались невысокие казармы, а позади мощеной площади высился массивный дворец, опоясанный колоннадой. На плацу топталась, размахивая кривыми саблями, сотня солдат, но все они застыли, удивленно глядя на влетевшую внутрь калитку и странных существ, появившихся вслед за возникновением пролома в стене.

– Ра-ав-няйсь. Смирно! – едва увидев солдат, завопил омоновец. – Равнение на-а средину!

Солдаты, то ли с перепугу, то ли просто машинально, мгновенно выполнили команду Жомова. Несколько секунд офицер, до этого момента муштровавший солдат, ошалело смотрел на такую смену власти, а затем пришел в себя. Истошно завопив, он приказал солдатам атаковать пришельцев. Обрадованный таким поворотом дела, Ваня размял руки, приготовившись к потехе, но до драки дело не дошло: вмешался Шива.

– Что тут, асуры вас раздери, происходит? – зычно завопил он, появляясь на балконе, а затем увидел ментов. – Так, а это кто к нам пожаловал? Почему имущество портим и с черного, а не с парадного входа вламываемся? Вы диверсанты? Вас Брахма послал? Отвечать, быстро!

– Чего разорался-то? – полюбопытствовал Иван. – Мы к тебе по делу пришли, а не нравится, можем и по шее накостылять.

– Ванечка, помолчи пару минут, – зашипел на него Сеня и хотел что-то добавить, но вперед вылетел Лориэль.

– Привет, Шива. Не узнаешь? – полюбопытствовал он. Бог-разрушитель прищурил глаза.

– А-а! Маленький негодник? Я слышал, ты опять набедокурить успел, – завопил с балкона Шива.

– Вот по этому делу мы к тебе и пришли, – проговорил эльф. – В домпустишь или так и будем через плац орать?

– Заходи. И друзья твои пусть заходят, хотя им не мешало бы вежливости поучиться, – разрешил бог и скрылся внутри дворца.

– Теперь я знаю, у кого таких оборотов речи Дакша хватался, – буркнул Сеня и вслед за Лориэлем направился в сторону резиденции Шивы.

Внутри дворец бога-разрушителя, в отличие от обители Шакьямуни, производил довольно угнетающее впечатление. Большинство фресок изображали самого невероятного вида монстров, настенные рисунки и узоры ковров представляли

кровавые сцены битв, пожарищ и прочих погромов, да и вся внутренняя обстановка была выдержана в черно-красных и пепельных цветах. Попову было трудно представить, как тут можно находиться долго и не сойти с ума. В такой обстановке действительно нетрудно «случайно» убить кого-нибудь, а потом раскаиваться с чистой совестью.

У входа во дворец путешественников встретили слуги и с поклонами повели куда-то внутрь, на второй этаж. Как выяснилось, в личные апартаменты Шивы, в которых он проводил большую часть времени, когда находился дома. Сам бог-разрушитель встретил гостей сидя, величественно приветствуя их кивком головы и приглашая сесть на топчаны возле себя. Выглядел он вполне по-человечески, в отличие от Брахмы и Кали. Дотошный криминалист этому факту удивился и тут же задал хозяину вопрос.

– А-а, ты об этом? – усмехнулся Шива. – Мне нравится выглядеть человеком. И если прочие боги, боги-созидатели, имеют закаменелую форму и меняют ее с трудом, то я легко могу изменять свое обличье и становиться таким, каким пожелаю. Но не будем об этом. Лучше расскажите, с чем пожаловали?

Сеня Рабинович, самый главный переговорщик в команде, в этот раз промолчал, предоставив инициативу Лориэлю. Маленький эльф не стал долго ходить вокруг да около, а сразу перешел к сути. Кратко поведав о том, что произошло во дворце Шакьямуни, Лориэль рассказал о коварстве Кали и о

том, что она потребовала от друзей в обмен на их свободу.

– Значит, прищучила она тебя все-таки? – расхохотался Шива. – Я хоть и не люблю эту стерву, но вынужден признать, что меня она переплюнула. Я ведь тоже в свое время пытался тебя поймать. Помнишь, после того, как ты нас с Брахмой поссорил? – Лориэль кивнул. – Я ведь тоже тогда на тебя злой был за то, что ты меня как младенца провел. А потом поостыл. Все-таки здорово я тогда наkostenялял этому уроду Брахме. И не вмешайся в наши разборки остальные боги, еще неизвестно, чем бы все закончилось.

– Чем бы все закончилось? Разрушил бы ты все к асуровой матери, – хмыкнул маленький болтун.

– Ведь знаю, что льстишь, а все равно приятно, – улыбнулся бог-разрушитель. – Так чего тебе от меня надо?

– А то ты и сам не догадываешься! – фыркнул Лориэль. – Дворец Шакьямуни я еще восстановить смогу. Это не проблема. Вот только вернуть дэвов, не имея возможности путешествовать по мирам, у меня не получится. Это просто замкнутый круг, и Кали специально так сделала, чтобы мне не удалось уйти от наказания. Я хочу, чтобы ты мне помог изменить ее решение.

– А почему я? – вскинул брови смуглый бог.

– А кто, кроме тебя, это сможет сделать? – ответил вопросом на вопрос эльф. – Ты единственный во всем мире, кто может по мощи превзойти спесивую богиню. К тому же давно пора всем доказать, чего ты стоишь на самом деле, и за-

ставить всех уважать тебя и преклоняться пред тобою...

– Ну, болтун, ну, болтун! – расхохотался Шива. – Не будь того случая с Брахмой, я бы купился на твою удочку, но сейчас номер не пройдет. Но даже и в другом случае, будь я олухом, помочь тебе все равно бы не смог.

– Это почему? – удивился Лориэль.

– Будь на месте Кали Брахма или хотя бы Вишну, я бы с удовольствием тебя поддержал. Хотя бы для того, чтобы развлечься, – ответил бог-разрушитель, устраиваясь на подушках поудобнее. – Но связываться с бабой, тем более с такой, я не буду.

– Трусишь, значит? – встрял в разговор омоновец.

– Я смотрю, ты дерзок на язык, – резко повернулся к нему Шива.

– И что? Предъявить что-то хочешь? – Омоновец хрустнул костяшками пальцев. – Давай выйдем. Поговорим.

– Смельчак. Люблю смельчаков, – расхохотался в ответ бог. – Когда умрешь, заберу тебя к себе. Станешь у меня лучшим бойцом, – а затем посмотрел на Лориэля. – Ты же знаешь, я ничего не боюсь, но с бабой связываться не буду. Ты женат, ты меня поймешь.

– И что же нам делать? – сразу сник эльф, осознав, что переубедить Шиву не удастся.

– Кали дружна с Брахмой, – ответил бог. – Поговори с ним. Если он за тебя заступится, Кали его послушает.

– Ага, заступится. А потом догонит и еще раз заступит-

ся, – фыркнул Лоризель. – Это ведь Брахма наряд дэвов вызвал, а потом и Кали прислал, чтобы она с нами разобралась.

– Тогда тебе остается одно: просить Сарасвати заступиться за тебя, – улыбнулся Шива. – Брахма от нее без ума. Да к тому же Сарасвати Кали недолюбливает. Сумеешь найти к ней подход, можешь считать, что Кали у тебя в кармане. Ну а пока забудем о делах и отметим встречу. Все-таки я тебя лет тридцать не видел.

Отказа от предложения отметить встречу не последовало. Хоть Сеня и покосился на Жомова, пригрозив кулаком, чтобы не смел напиваться, вслух запреты высказывать не стал. Шива поднялся со своего места и повел гостей в соседнюю комнату, где уже были накрыты невысокие столы и завалены подушками низкие диванчики. Изголодавшийся за время конного, а точнее, слонного путешествия Попов сразу накинулся на еду, а вот Ваня, забыв о запрете кинолога, схватил большой кувшин вина и, не наливая в кубок, приложился к горлышку. Рабинович тут же выдал ему такой залп глазами, что омоновец поперхнулся.

– Я только жажду утолить, блин, – сконфузился он. Шива принял кувшин из Ваниных рук и заглянул внутрь.

– Ничего себе! – удивился бог-разрушитель. – Это же надо, одним глотком полведра выпить! Точно, когда помрешь, к себе возьму...

– Не получится, – усмехнулся эльф.

– Это почему? – оторопел Шива.

– Карма, – коротко отрезал маленький умник.

– А-а! – разочарованно протянул Шива. – Ну, против кармы не попрешь.

Судя по количеству выпивки и закуски, поставленной на столы, бог-разрушитель собирался либо пировать неделю, либо угощать полк солдат или монстров-проглотов, у которых желудок даже больше воображения. Солдат на пиршестве не появилось, монстрами российские милиционеры себя не считали, а от недельного пиршества отказались, чем страшно разгневали хозяина жилплощади. Обидевшийся Шива, мгновенно увеличившись в размерах и обзаведясь лишней парой рук, явно намеревался разнести в клочки все вокруг, включая собственный дворец, но Лориэль что-то шепнул ему на ухо, бог-разрушитель сразу успокоился и, вернув себе прежний облик, пробормотал:

– Так бы сразу и сказали, а то напускают тумана все время, хоть китайские вентиляторы вагонами покупай. Ладно, не буду вас задерживать. Идите с миром, и пусть земля вам будет пухом... То есть скатертью дорожка... Тьфу ты! Доброго пути, говорю...

Может быть, грозный вид бога-разрушителя, явно страдающего расстройством неуравновешенной психики, и привел бы в ужас какого-нибудь среднестатистического индуса, но российских милиционеров, повидавших на своем веку и не таких чудовищ, он не напугал. Более того, Ваня даже разозлился на весь белый свет за то, что ему не дали «едовище

подрихтовать этому оборзевшему папуасу», но война с Шивой в планы Рабиновича не входила. Он, хоть и не меньше омовца обиделся на бога-разрушителя, утащил Ивана из дворца и лишь после того, как оказался за стенами, спросил у Лориэля, что тот сказал Шиве.

– У вас свои профессиональные секреты, у меня – свои, – отрезал тот и лишь после получасового допроса сознался: – В этом мире все, даже боги, подчиняется карме. Никто толком не знает, что это такое и с чем ее едят, но легенд о карме ходит много. К одной и я руку приложил. Так, на всякий случай, лет двести назад пустил слухок, что посылает карма ко всем калик перехожих, своих тайных инспекторов. И от того, как хозяин их примет, зависит его будущая судьба. Я-то тогда себя имел в виду, чтобы побольше почета и уважения получать, а теперь и с вами этот трюк пригодился.

– Оказывается, и ты иногда что-то полезное делаешь, – язвительно заметил Рабинович.

– В отличие от вас, – отрезал эльф и, подумав, добавил: – Козлы, мать вашу!..

В ответ на это оскорбление Сеня попытался сбить Лориэля собственной фуражкой, но тот легко увернулся и взлетел повыше, дабы как минимум не вводить ментов во искушение, поскольку избавить их от лукавого, коим являлся сам, в данный момент не мог. Спасибо, что хоть замолчал, а то непременно бы нарвался на перекрестный огонь российских служителей правопорядка.

Некоторое время путешественники шли молча, и лишь затем Рабинович удивился, почему они топают пешком вместо того, чтобы перенестись поближе к жилищу Брахмы и заняться наконец делом. Оказалось, на то было три причины. Во-первых, по утверждению Лориэля, рядом с такими мощными источниками паранормальной энергии, каким являлся дворец Шивы, совершать скачки в пространстве было рискованно. Лишившийся основных способностей эльф опасался, что последствия переноса могут быть самые непредсказуемые.

Во-вторых, Лориэль напомнил, что один прыжок за сутки они уже совершили, и если понадобится срочно делать ноги из жилища Брахмы, то на это у него просто не хватит энергии. Эльф предпочел не рисковать и отправиться искать Сарасвати с «полными аккумуляторами». Он хотел найти подходящее место для ночлега и лишь завтра утром отправиться к пассивной Брахмы. Это и было третьей причиной, по которой менты топали пешком. Правда, недолго. Через полчаса пути за своей спиной они услышали громкий топот, и на тропинку из леса, ломая деревья, выскочил Дакша.

– Фу, еле-еле вас нашел, хотя и не знаю, чего я к вам так привязался, – прогундосил слон. – Я же сказал, что вас у калитки ждать буду, а вы через парадное вышли.

– А тебе вообще кто сказал, что мы ушли? – недовольно покосился на него Рабинович.

– Так я тут вроде бы царем зверей считаю, хотя и не

знаю, что это за цари без дворцов, – пояснил Дакша. – Птица какая-то мимо пролетала, я ей сказал, что мы с ней одной крови, и послал посмотреть, что вы у Шивы делаете. Она прилетела и заявила, что вы ушли. Даже сказала, куда именно. Видимо, рассчитывала, что я ей повышение в птичьем табеле о рангах устрою. Дура.

– Точно, дура, – согласился с ним Сеня. – Ты покажи мне ее как-нибудь.

– Зачем? – удивился слон. – Ты сам ей повышение устроить можешь?

– Нет, только понижение, – ответил Рабинович. – С небес на землю. Одним выстрелом.

– Она несъедобная, – констатировал Дакша, будто злого мента когда-нибудь волновало, сможет ли он съесть того, кого застрелит.

Сеня, поняв, что объяснить слону, за что он хочет пристрелить птаху, не получится, решил прекратить дискуссию. И прекратил. Но не Дакша! Слон, почему-то решив, что необходимо ознакомить людей с местной флорой и фауной, принялся описывать, каких зверей и какие растения можно есть, а чего двуногим следует сторониться.

Поначалу, если не обращать внимания на глубокий прононс Дакши, все его рассказы были довольно увлекательными. Но когда он дошел до того момента, каких змей, пауков и тараканов можно есть в случае крайней необходимости и при наличии резкой недостачи белковой пищи, Рабинович

озверел и заявил, что если Дакша не заткнется, на ужин у ментов будет жареная слонина. Чем и привел Дакшу в замешательство, поскольку выяснилось, что тот не имеет ни малейшего представления о том, можно ли есть его самого. С десяток минут слон молчал, а потом, видимо, не найдя ответа на этот животрепещущий вопрос, поинтересовался:

– А куда мы идем, хотя не понимаю, зачем вообще куда-то ходить, если и здесь пищи много?

– Какой пищи? – встрепнулся Попов.

– Всякой. И человеческой, и слоновьей, – ответил Дакша.

– Откуда здесь, в джунглях, человеческая пища? – недоверчиво покосился на него Рабинович.

– А тут неподалеку лагерь охотников, которые во дворец Шивы дичь поставляют, – ответил слон. – Если хотите, то могу вас довезти.

– Хотим, – встрепнулся эльф, словно что-то задумав, а затем пояснил спутникам: – Там и на ночлег остановимся. Так безопаснее будет.

Лагерь охотников действительно оказался недалеко. К нему, естественно, вела довольно широкая дорога, сворачивающая вправо от основной, но Дакша ею не воспользовался, продравшись напрямик, через джунгли. За этот маневр слон наслушался ласковых слов от своих пассажиров, но пропустил их мимо ушей, хотя они у него и большие.

В лагере, кроме сторожа, никого не оказалось. Да и сам охранник едва не сбежал в лес, увидев, что за гости к нему

пожаловали. Пришлось его сначала догнать, потом связать, лишь затем расспросить про остальных обитателей поселения и отпустить, успокоив. Оказалось, что все охотники отправились к стаду оленей, недавно найденному где-то на расстоянии дневного перехода, и готовились его обложить, чтобы вернуться с богатой добычей, перекрыв ею месячный план заготовки дичины.

Эльфа этот факт почему-то расстроил, а остальные путешественники компании не искали. Даже Жомов, оказавшись в условиях сухого, пусть и с небольшими поблажками, закона, не горел желанием затеять с кем-нибудь потасовку. А может быть, на молчаливого омовца так отрицательно беспрестанная болтовня слона подействовала? Ответа на этот вопрос, поскольку Ване его никто не задавал, конечно, не последовало. Попов быстренько заставил сторожа приготовить путешественникам ужин из лучшей дичины, а Дакша пошел к ближайшей реке полакомиться молодыми побегами бамбука и помыться, чем доставил всем несказанное удовольствие. До начала ужина он так и не вернулся, ну а когда менты уселись у небольшого костра, готовясь принять пищу, из кустов раздался знакомый голос:

– Вот вы, значит, где прячете от меня моего мачо? Интересно, что вам вообще тут понадобилось?

– Ну, только ее нам и не хватало, – проворчал Рабинович. – Попов, разбирайся с этой фурией сам. Все-таки должен же ты хоть что-то для блага товарищей сделать!..

Андрей только глазами сверкнул и ничего не ответил. Да и что несчастный Попов мог ответить? Не начинать же с Рабиновичем детский спор о том, у кого игрушки лучше, брат сильнее и кто дальше плюнуть сможет? Вот и смирился криминалист со своей участью, надеясь лишь на то, что у Кали окажутся какие-нибудь срочные дела. Например, утюг забыла дома выключить или продуктов до закрытия магазина купить.

Кали, однако, торопиться явно никуда не собиралась. Неторопливо подойдя к костру, она спокойно приняла благоговейные почести совсем ошалевшего от наплыва гостей сторожа и, легко отпихнув его ногой, уселась рядом с ментами, прямо напротив Попова. Несколько секунд она ошпаривала Андрея томным взглядом, а затем посмотрела на Лориэля.

– Так на кой ляд вас сюда занесло? – поинтересовалась она.

– Это долгая история, – наигранно вздохнул эльф.

– А я никуда и не тороплюсь. Расскажи, – потребовала богиня, и Лориэлю пришлось импровизировать.

Глава 5

Милый, а не свить ли нам любовное гнездышко?
Черная вдова

Спору нет, импровизатор из эльфа получился отменный. Если бы один музыкант на свете хоть раз в жизни смог выдать такое же попури – в одно мгновение заработал бы титул самого виртуозного исполнителя на свете. Лориэля же можно было бы смело назвать самым виртуозным лгуном из всех, кого я видел, если бы не было Оберона и моего Рабиновича. Сеня, правда, отбирать пальму первенства у разговорившегося эльфа не стал и местами снисходительно улыбался, а остальные, честное слово, прямо заслушались – невероятное вранье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.